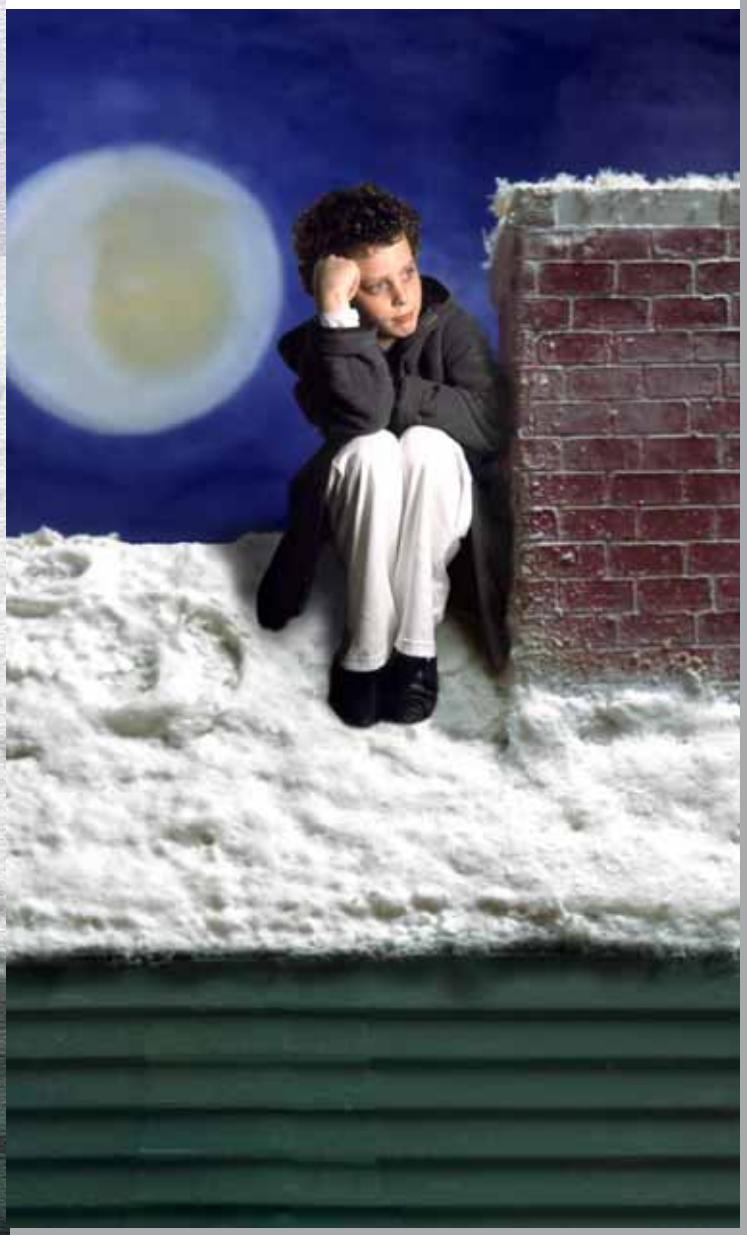
7Я

1. 2011

семья и школа



Открыватели детства
страница
20

Двойка вместо лечения?
страница
8

Уроки девяностых
страница
10

Чудесный рыцарь
страница
29

журнал для родителей

Фото Ильи Ципина

7я
семья и школа

Журнал
для родителей
Основан
в 1871 году
Возобновлён
в 1946 году

На обложке:
Кларк и Пуньо «В свете луны»
(см. страницы 20–23)

ЗАО Редакция журнала
«Семья и школа»

Генеральный директор
В. Ф. Смирнов

Главный редактор
П. И. Гелазония

Редакция журнала:
Т. Я. Кедрина
(досуг и быт),
Л. А. Комарова
(художественный
редактор),
Н. С. Мавлевич
(школа и общество),
Л. Ф. Осипова
(культура),
В. А. Рыбаков
(развитие
и воспитание ребенка)

Дизайн-проект журнала:
В. Е. Валериус

Предпечатная подготовка:
И. В. Аршанский,
О. В. Шорохова

Подписные индексы:
по Объединенному
каталогу «Пресса
России» — 70909;
по каталогу
«Роспечати» — 70906;
по каталогу
«Почта России» — 99351.
Подписка
через Интернет:
presscafe.ru

С анонсами
свежих номеров
нашего журнала
вы можете
познакомиться
на страницах сайта
mag7a.narod.ru

Книжная редакция:
С. И. Сивоконь

Редактор интернет-сайта:
О. Л. Журавлева

Распространение:
Т. К. Чулкова

Обеспечение выпуска:
А. М. Бакланова,
Е. В. Угрюмова

Учредитель и издатель:
ЗАО Редакция журнала «Семья и школа»
Свидетельство о регистрации № 017036
Госкомитета РФ по печати

Адрес редакции:
129626 Москва,
улица Павла Корчагина, 7, строение 1
Телефон/факс: (495) 683-8614
e-mail: mag7a@narod.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 город Чехов Московской области
e-mail: marketing@chpk.ru
Сайт: www.chpk.ru
Телефон: 8 (495) 988-63-87
Факс: 8 (496) 726-54-10

№ 1 (январь) 2011
Подписано в печать 27 декабря 2010 года.
Формат 60 × 90/8. Печать офсетная.
5 печ. л. Тираж 5900 экз. Заказ

В розничной продаже цена свободная

© ЗАО Редакция журнала «Семья и школа», 2011

В номере:

Советы и рекомендации

Надежда Зырянова
Кем я быть хочу?
2

Чтобы помочь детям определиться со своей будущей профессией и не ошибиться при этом, важно с самого раннего возраста знакомить их с миром профессий

Двойка вместо лечения?
8

Педагог-дефектолог Ольга Ковалевская: в современном мире умение писать, читать, понимать печатный текст, излагать свои мысли на бумаге, допуская минимум орфографических ошибок, сродни умению ходить

Повод к размышлению

Вокруг развития и воспитания
4

Новое о хорошо знакомом и еще не знакомом

Уроки девяностых
10

В новой рубрике ответы на вопросы, неизбежно возникающие у молодых людей, которые хотят разобраться в недавнем прошлом и участвовать в ближайшем будущем своей страны

Борис Бим-Бад
Как на самом деле происходит воспитание чувств
18

Взрослые, страдая, преодолевают многие трудности и, сами не подозревая о том, наполняют души своих детей материями, сюжетами, темами и настроениями, короче — мироощущением и мироотношением

Чтение

Лада Кузина
Мишка и Сашка
6

Мишке очень хочется быть старшим братом, поэтому он просит родить пупсика. А Сашка никого не просит — у него уже есть младший брат, который, как он говорит, все нервы ему испортил

Мариэтта Чудакова
Бессменный дежурный по стране
14

Под рубрикой «Успеть прочесть» — о Михаиле Жванецком

Лия Осипова
Открыватели детства
20

Выставка «Детство. Отрочество. Юность». Сто шестьдесят произведений из зарубежных и отечественных музеев представляют мир детства в изобразительном искусстве от Боттичелли до Кандинского

Фрида Вигдорова
Девочки (дневник матери)
26

Продолжаем публикацию книги замечательной писательницы, педагога, публициста

Элинор Фарджон
Чудесный рыцарь
Сказка
29

Панорама лиц и событий
38

Лия Осипова
Картинная галерея: Игорь Грабарь
40

Домашние занятия

Кухня
36

Рецепты блюд для детского питания

Развлечения
37

Снежные прогулки

Ряд районных и сельских библиотек в нескольких регионах России получают журнал благодаря финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Кем Я быть хочу?

Дошкольники примеряют профессии на себя

Надежда Зырянова

Уже дошкольником ребенок, играя, пробует себя в различных профессиональных ролях, познает их смысл, решает, нравятся они ему или нет.

Какие же профессии нравятся нынешним шестилеткам? Мы провели на эту тему опрос в московских детских садах. Детям были заданы такие вопросы:

— Кем работают твои мама и папа?

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Почему?

— Какие профессии тебе нравятся? Почему?

— Какие профессии тебе не нравятся? Почему?

Дети о профессии родителей

Больше половины опрошенных нами дошкольников имеют представление о профессии своих родителей. При этом некоторые точно знают, кем работают их мама и папа.

— Мама работает в саду, в одиннадцатой группе, а папа водитель.

— Мама — пианисткой, а папа инженером.

— Они оба, мама и папа, врачи. И не медсестры, нет, именно врачи. А врачи главнее медсестер и они могут ими распоряжаться.

— Папа на шоколадной фабрике, а мама бухгалтером.

Есть дети, которые не очень точно знают, кем работают и что делают на работе их родители:

— Они просто работают. Они вон там — видите такой маленький домик? Вот в этом доме они работают.

— Мама — никем. Мама работает домохозяйкой. Папа работает и даже вечером ходит на какое-то занятие, гимнастику, что ли.

— Они только на работу, и всё, нигде не работают.

Немало детей (больше трети) вообще ничего не знают о работе своих родителей:

— Не знаю, еще не ходила.

— Мама? Она не говорила. Папа тоже не говорил.

Некоторые дети знают, что кто-то из их родителей не работает в данный момент:

— Мама? Никем, она уволилась. Вначале в сбербанке, потом в спецсбербанке, потом уволилась. А папа кем работает, я не знаю.

— Мама — редактором. А папа безработный. Ну, его иногда просят дома починить где-нибудь, новую квартиру там. И он иногда меня с собой берет, чтобы я помогала.

— Мама? Она уволилась, уволили ее, и я не знаю, кем она хочет работать.

— А папа? Директором работает.

Кое-кто из детей даже знает причину, по которой кто-то из его родителей сейчас не работает:

— А папа сейчас учится, потому что его не уважали на работе.

— Что папа сейчас делает? Папа учится, а на работу он сейчас не ходит, потому что у него нет пока работы.

Когда мы спрашивали детей, нравится ли им работа родителей, чаще всего получали ответ «да» и в тех случаях, когда дети не знали точно, чем занимаются их мама и папа. Иногда дети объясняли, чем привлекает их работа родителей:

— Ну да, мне нравится мамина работа, потому что там есть конструктор у нее в классе. Так что я иногда к ней хожу в класс и играю в конструктор.

Были и другие ответы. Мальчик, чьи родители врачи, сказал, что ему не нравится их работа, и он не хотел бы быть врачом:

— Мне мама рассказывала, что она очень опасная, за ошибку какую-нибудь с человеком, он умрет, могут посадить в тюрьму, так что я решил стать писателем.

Девочка, дочь врача, сказала, что не хочет быть врачом, «потому что там много людей может быть, а там дома дочка скучает».

Дошкольники о своей будущей профессии

Большая часть дошкольников (71 процент), которых мы спрашивали, кем они хотят стать, когда вырастут, называли самые разные профессии.

Во-первых, это «обычные» профессии, такие, как врач, детский доктор, повар, продавец, воспитатель в детском саду, учитель, водитель, милиционер, строитель, парикмахер, работник кафе и даже «директор по маркетингу».

Во-вторых, творческие профессии:

— Художником. Я очень хорошо рисую. Я дома красивые рисунки рисую.

— Наверно, дирижером.

— Художницей или певицей.

— Я либо хочу шить, либо петь.

— Я хочу быть танцовщицей. Ну, я хотела стать еще гимнасткой.

— Я хочу стать стилистом. Что делают стилисты? Они прически делают.

— Писателем хочу стать.

В-третьих, дети выбирают профессии из мира спорта (видимо, понимая, что спорт у нас уже не любительский):

— Я хочу стать гимнасткой. Я умею даже на игрушечном домике с одной ногой стоять.

— Гонщиком. — Что делает гонщик? — На гонках гоняет. — Почему тебе нравится такая работа? — Потому что можно ускоряться быстро.

— Футболистом.

— Сифронисткой. (Синхронисткой). — Почему? — Потому что меня уже отдали туда. Только в бассейне еще не плаваю.

— Спортсменкой там.

В-четвертых, дети называли не очень распространенные профессии:

— Я мечтала, конечно, водить лошадей. — А почему? — Можно, например, когда нету людей, покататься на них.

— Работать в зоопарке. Охранником для животных. — От кого охранять? — От воров.

— Знаете, кем я хочу стать? — Кем? — Капитаном и строителем. Я стану капитаном. Когда построю Титаник целый. И вообще надо построить Титаник из железа. — Это надо такой Титаник построить, чтобы он в айсберг не врезался? — Да нет. Не в этом случае. Все равно Титаник идет… и повернуть куда-то он не может. Просто врезаться. — Ну, надо чтобы он не затонул? — А вы знаете, почему Титаник затонул? Потому что случилась паника, и он был очень близко и был… скорость очень быстрая.

— Ну, в зоопарке… Продавать шарики. Там мой дедушка работает.

Для мальчиков привлекательна профессия милиционера (или полицейского) и военного:

— Полицейским. Чтобы ловить воров.

— Ну, в полиции хочу работать.

— Милиционером хочу.

— В армии буду.

Некоторые из них выбирают эти профессии, ориентируясь на отца:

— Почему ты хочешь стать милиционером? — Потому что хочу быть так же, как и папа.

Но и другие профессии дети иногда называют в качестве приоритетных, потому что это профессии их родителей:

— Ммм… водителем, как папа.

— Медсестрой, как мама, потому что там делать уколы… Мама делает там. Потому что лечит она.

— Хотела бы работать врачом. Ну я… потому что я хочу, потому что хочу, как мама делать. Хочу этому научиться.

Некоторые дети называли несколько профессий. Один мальчик

сказал, что хотел бы работать «в полиции, президентом и военным», а другой хочет стать палеонтологом, изучать динозавров, но еще хотел бы стать поваром или летчиком.

Однако не все дети определились со своей будущей профессией:

— Я пока не знаю. Я думаю пока.

— Кем-нибудь.

Причины, по которым дошкольники выбирают те или иные профессии, очень разные. Так, один хочет быть милиционером, потому что это «трудная работа», а другой именно по этой причине не хочет быть милиционером («слишком сложно»). Один мальчик хочет стать строителем, потом что ему «нравится дома строить», а другой не хочет, потому что строить не любит. Кто-то хочет стать доктором, потому что там можно другим уколы делать, кто-то потому, что тогда ему самому не будут делать уколы, а кто-то не хочет быть врачом, потому что «боится уколов».

Какие профессии нравятся детям и почему

Как и следовало ожидать, больше всего среди любимых у детей — самые известные профессии:

Врач («Потому что лечить можно родных»; «Потому что мама сказала, это очень полезно быть врачом»).

Медсестра («Медсестрой быть хорошо. Я ходила к папе на работу и к маме, я ходила везде и видела, как там очень работают хорошо»).

Продавец («Еще мне нравится в магазине продавать». — Почему? — «Вот ко мне, например, пришла бабушка моя, я ей могу бесплатно…»)

Повар («Готовить. Хочу научиться, когда подрасту, варить. Мама говорила, либо в восемь, либо в семь, либо в шесть с половиной она научит меня готовить. Обещала»).

Строитель («Строитель. Вот буду я Титаник строить. Постараюсь»).

Милиционер («Больше всего мне нравится… милиция. Потому что там можно арестовать какого-нибудь… хулигана. Вот. Один раз по телеку видел, вот, что милиция едет на велосипеде. Так лучше. Или на снегоходах»).

Полицейский («Полицейские. Охрана, спецназы. Но спецназы и работают полицейскими. Они и есть полицейские»).

Художник («Тот, кто картины пишет»; «Мне нравятся профессии рисовать, красками рисовать, еще мне нравится там, где работает мама, я у нее на работе была»).

Детям нравятся также профессии учителя, воспитателя в детском саду, кассира, актрисы, космонавта, тренера по плаванию, балерины («балерина — это моя самая любимая мечта»), «музыкальной учительницы», редактора, пожарного («потому что пожарником — тушить дом»), мотоциклиста, работника в Макдональдсе и даже дворника. Среди профессий, которые нравятся детям, есть и необычные: «лошадей водить», «наклеивать — там вырезать кружочек и наклеить, красивые узоры сделать»; «Я хочу стать мастером, который может все делать из дерева, и даже игрушки всякие. Пуговицы, одежды, умеет шить, вообще все делать».

Некоторым детям трудно выбрать какую-то одну профессию, они называли несколько:

— Продавец, художник, у меня хорошо получается писать, то есть рисовать.

— Рабочий там, художник.

— Я знаю, есть повар, есть врач… все нравятся.

— Дирижер, скрипач, летчик, вертолетчик, машинист.

— Разные… Ну, я даже не знаю.

— Шить, петь, танцевать.

Для других детей пока нет никаких любимых профессий, они не смогли назвать ни одной: «Простая работа мне нравится. Просто работа, как мои мама и папа работают»; «Ну, ну я точно не могу сказать. Мне каждый день разные нравятся».

А некоторые дети не поняли вопроса, так как не знают, что такое «профессия»:

— Ходить в школу. — Это такая профессия — ходить в школу? — Да.

— Мне нравится профессия, как хорошо играть. Хорошо заниматься. И мне нравится, как на роликах кататься. И на самокате. И петь.

Какие профессии не нравятся детям и почему

Не все дети смогли ответить на этот вопрос. Некоторые говорили, что им все профессии нравятся: «Мне не нравятся… Ну, мне все нравятся. Нет таких профессий, которые мне не нравятся».

Для других плохие профессии — это прежде всего те, которые связаны с криминалом. Конечно вор, маньяк, грабитель, убийца — это не профессии как таковые, но дети профессиями их считают: «Работа вором — да, потому что он людей обижает. Маньяком»; «Красть. Ничего из сумки вытаскивать нельзя».

Не нравятся детям некоторые сложные профессии, в которых нужно тяжело работать:

— Мне не нравится на фабриках.

— Не нравится делать телевизоры, потому что их очень сложно делать.

— Врач мне не нравится, президент — слишком сложно. Надо какие-то дела решать, надо что-то делать со страной. Представляешь, ты один человек такой простой, а целая огромная страна как бы у тебя под колпаком, как бы ты над ней властитель, главный, такой маленький, один человек и целая страна людей.

Не привлекает детей и «грязный» труд:

— Навозником быть. Который навоз отвозит. — Почему? — Мне что-то не нравится такая. Там надо трудиться очень сильно. Это очень тяжело. Мне она, конечно, нравится, но это очень тяжело.

— Мне не нравится в первую очередь дворник. Потому что, насколько я знаю от мамы, что дворник — он бездомный.

Интересно, что некоторым детям не нравятся самые обычные и распространенные профессии:

— Не нравится… учителем. Потому что придут много детей, будут громко говорить.

— Скорая помощь. Потому что уши закрываешь, когда она гудит.

— Мне не нравятся повар там, водитель и учитель.

— Мне не нравится работать доктором, медсестрой нравится, а доктором не нравится. Просто медсестра красивей.

Некоторым детям не нравится профессия доктора, потому что «они зубы лечат» и «уколы делают». Другим не нравится профессия строителя, инженера, пожарного, милиционера, потому что «там скучно». Одна девочка сказала, что ей не нравится профессия строителя, потому что «там одни мальчики работают». А один мальчик сказал: «Я вообще не люблю профессии. Они мне не нравятся».

В целом можно заключить, что представление дошкольников о мире профессий довольно ограниченно — они упоминают лишь о небольшом количестве профессий, прежде всего самых распространенных. Описывая профессии, которые им нравятся или не нравятся, дети ориентировались на поверхностные, легко видимые их характеристики.

Некоторые из детей уже думали о своей будущей профессии, другие еще не знают, кем хотят стать, когда вырастут. Кто-то из детей находится под влиянием родителей, испытывают своеобразное давление с их стороны (когда родители говорят, что хотели бы, чтобы ребенок выбрал ту или иную профессию). Другие дети сами хотят пойти по стопам родителей.

Безусловно, профессиональные предпочтения детей будут меняться по мере их взросления. Дети будут получать все больше информации о профессиях, «примеривать» их на себя. Нельзя оставлять детей одних на этом сложном пути выбора профессии. Им необходима помощь взрослых и, прежде всего, родителей. Очень хорошо, если родители рассказывают детям о своей профессии, о том, чем они занимаются на работе, что им нравится или не нравится в их трудовой деятельности. Но этого мало. Чтобы расширить возможности профессионального выбора детей, помочь им определиться со своей будущей профессией и не ошибиться при этом, важно с самого раннего возраста знакомить их с миром профессий, рассказывать о «плюсах», «минусах» и предъявляемых к человеку требованиях как можно большего числа профессий.

Таблетка от плохих воспоминаний

Специалисты нашли революционный способ помочь человеку забыть травмирующие события прошлого. Формирование болезненных воспоминаний связано с появлением в мозговом центре страха особых «рецепторных белков». Американские ученые из Университета Джона Хопкинса нашли способ медикаментозными средствами их «удалять», что приводит к бесповоротному стиранию воспоминания. Хотя испытания проводились на мышах, ученые полагают, что для человека эффект будет тот же.

Открытие можно использовать для лечения посттравматических стрессовых расстройств у солдат и жертв насилия, а также, например, в помощь тем, кто пережил болезненное расставание. Один из исследователей, профессор Ричард Хуганир, полагает, что данный метод может применяться в борьбе с алкогольной и наркотической зависимостью.

Эксперты отнеслись к открытию с осторожностью. Как можно уничтожить воспоминания, не уничтожив целый кусок чьей-то жизни? И является ли это наилучшим выходом, если учесть, что люди растут и учатся на своем опыте? «Идея научиться манипулировать этими вещами — опасна. Даже если это делается из лучших побуждений», — убеждены в Центре этики университета Эмори (Атланта).

Есть решение всех проблем!!!

Британских девочек научат говорить «Нет»

Британские министры надеются, что уроки, посвященные вопросам добровольности в интимных отношениях, предотвратят изнасилования. Согласно проекту, опубликованному британским правительством, школьниц научат говорить «Нет» в ответ на предложения секса.

Приняты и другие меры по защите прав женщин: так, биржам труда запрещено рекламировать вакансии стриптизерш и другие должности, «где соискатели должны совершать действия, цель которых — непосредственное стимулирование сексуального влечения у окружающих».

Все эти предложения объединены в программе «Покончим с насилием в отношении девушек и женщин», подготовленной министерствами внутренних дел, образования и равноправия.

Обсуждение вопросов согласия на секс на уроках — самая спорная часть программы. Многие считают, что для некоторых детей такие уроки чреваты психической травмой на всю жизнь. С насилием в семье рано или поздно сталкивается каждая четвертая британка.

В программу включен и так называемый «Приказ проваливать», позволяющий изгнать мужчину, обвиняемого в насилии в семье, из дома, даже если на него не заведено уголовное дело. Запрет на появление по месту жительства семьи может длиться от двух суток до четырех недель.

Чем опасно подростковое ожирение?

Не секрет, что детское и подростковое ожирение представляет все более серьезную проблему даже в развивающихся странах. Однако теперь ученые нашли подтверждение тому, о чем многие давно подозревали, — проблемы с весом в подростковом возрасте увеличивают риск сильного ожирения у взрослых. Врачи также предупреждают, что ожирение может способствовать развитию сердечных заболеваний, а также диабета и гипертонии.

Кроме того, недавнее исследование показало, что женщины более подвержены так называемому болезненному ожирению, чем мужчины.

Сейчас у Лорен Пейнтер нет проблем с лишним весом. Однако в детстве она немало натерпелась из-за своей полноты: «В детстве я была полной и меня часто дразнили из-за моего веса и внешности». Тогда Лорен решила сесть на диету и вести более активный образ жизни. Она перестала пить газированные напитки и стала передвигаться пешком или на велосипеде. В результате ей удалось похудеть почти на 7 килограммов.

Не надо перенапрягаться, пытаясь все изменить в одночасье. Исследователи из университета Северной Каролины в течение 13 лет наблюдали 8000 человек в возрасте от 12 до 21 года. Среди них были люди с нормальным весом и те, кто страдал от излишнего веса или ожирения. Менее 2 процентов подростков с нормальным весом заболевали ожирением. По достижении 30 лет начинает играть роль и пол. Около 37 процентов юношей, страдавших ожирением в подростковом возрасте, с годами стали еще полнее, а среди девушек, имевших лишний вес, сильное ожирение развилось у 50 процентов.

В США за последние 30 лет количество людей, страдающих от избыточного веса, увеличилось вдвое, а количество полных подростков — втрое. Однако набирают вес не только американские дети и подростки. По данным Всемирной организации здравоохранения, ожирение приобретает характер эпидемии и в развивающихся странах.

Буду такая же, как мама.

Мальчика растили как девочку

В больнице, где рожала Джанет Реймер, ее муж Рон задал обычный в таких случаях вопрос: «Мальчик или девочка?», ему ответили: «Мальчики-близнецы!». Вначале это было правдой.

Малыши появились на свет в Канаде в 1966 году. У обоих были мужские хромосомы XY. Как и женские хромосомы XX, они определяют пол человека, его внешний вид и гормональную систему. Брюс и Брайан Реймеры росли нормальными мальчиками. У них лишь обнаружились проблемы с мочеиспусканием. По совету врачей родители повезли их в больницу на обрезание. Во время операции из-за неисправности оборудования Брюс получил сильный удар током, который полностью уничтожил его пенис.

Операцию Брайана отменили, и обоих сыновей забрали домой. Спустя несколько месяцев Джанет и Рон увидели по телевизору выступление доктора Джона Мани. Он специализируется на психологии людей, переменивших пол. По мнению ученого, не биология, а воспитание делает человека мужчиной или женщиной. Джанет написала доктору Мани, и тот пригласил Брюса в свою клинику в Балтиморе, решив использовать его для подтверждения своей теории.

Психолог был убежден, что Брюс будет более счастлив как женщина, пусть даже не способная родить. Брюса окончательно кастрировали и дали ему женское имя Бренда.

Доктор Мани убеждал родителей, что ради успеха о перемене пола не должны узнать ни Бренда, ни ее брат-близнец. Психолог регулярно следил за перевоплощением бывшего мальчика. Когда близнецам исполнилось 9 лет, доктор Мани опубликовал свои наблюдения. Он объявил, что его эксперимент увенчался полным успехом: «Бренда ведет себя как нормальная, хотя и слишком активная девочка. — Она разительно отличается по манерам от своего грубоватого брата. Ничто не напоминает об их былой идентичности».

Однако, достигнув переходного возраста, Бренда стала подумывать о самоубийстве. «Я видела, что Бренда несчастлива и очень одинока, — вспоминает Джанет. — Она была мужеподобна, и мне не удавалось привить ей женственность. Она росла почти без подруг. Сверстники смеялись над ней, обзывали дикаркой». Родители перестали водить дочь к доктору Мани и однажды объявили ей, что она родилась мальчиком. Спустя несколько недель она попросила называть ее Дэвидом.

Брюс-Бренда-Дэвид перенес операцию по восстановлению мужских половых органов, а потом даже женился. Он не мог сделать свою жену беременной, но стал любящим отчимом ее трех детей от предыдущего брака. В интересах сохранения его анонимности врачи дали ему имя Джон/Джейн. Этот случай попал в литературу по медицине и психологии, где он описывается как удачный пример лечения гермафродитов или мужчин, лишившихся пениса. После тридцати лет Дэвид стал все чаще впадать в депрессию. Он потерял работу и расстался с женой.

Весной 2002 года его брат Брайан умер от передозировки наркотиков. Когда Дэвиду исполнилось 38 лет, полиция сообщила Джанет и Рону, что их сын покончил с собой.

Случаев, подобных истории Джона/Джейн, относительно немного. Во многих случаях удается обеспечить человеку счастливое будущее: дети демонстрируют удивительную способность приспосабливаться к разным жизненным обстоятельствам.

Н. П.
(по материалам Интернета, иностранной печати и радио)

Мишка и Сашка

Лада Кузина

Мишка и Сашка — это мои сыновья. Они погодки. Сашка старше Мини на целый год и 2 месяца. Мишка все время переживает по этому поводу и ворчит: «Ты почему не могла меня вместе с Сашей в животике вырастить? Я там что — не поместился? Ты в следующий раз меня первым рожай». Ему очень хочется быть старшим братом, поэтому он просит родить пупсика. А Сашка никого не просит — у него уже есть младший брат, который, как он говорит, все нервы ему испортил.

Сказка, рассказанная на ночь

Вечер, обнимаюсь с младшим. Мишка просит:

— Мама, расскажи мне сказку.

— Какую?

— Мою любимую.

— Гуси-лебеди?

— Ага.

— А давай вместе рассказывать!

Соглашается. Я начинаю:

— Жили-были...

— Старик со старухой, — продолжает Миша.

Я удивляюсь:

— Какие старик со старухой? Папа и мама! И были у них деточки…

— Маша и Ваня.

— Правильно. Поехали однажды папа и мама...

— На рыбалку!

Секунду давлюсь от смеха, потом поправляю:

— На ярмарку! А деток дома оставили и наказали им...

— Ведите себя хорошо, не балуйтесь, по кроватям не прыгайте, чужим двери не открывайте и не деритесь.

— И уехали. А Маша с Ваней во двор пошли. Маша Ваню в песочницу посадила, а сама с подружками убежала.

Тут Мишка мой пригорюнился, сидит, вздыхает:

— Бедный Ванечка, сидит один в песочнице и поиграть ему совсем не с кем.

Повздыхал еще и спать ушел с горя.

Навстречу любви

Мальчишки рано или поздно начинают интересоваться девочками. Некоторые еще в детском саду обзаводятся невестами. Причем будущий жених в понедельник любит Машу, во вторник неравнодушен к Лизе, а в пятницу тащит конфеты для Лены. Мои же сыновья проявили в этом деле достойную разборчивость и неприступность. В первом классе старший отпрыск искренне удивлялся любовным страстям одноклассников.

— Мама, представляешь, у нас в классе уже влюбились! Друг в друга.

— Да-а-а? И кто?

— Лиза в Кайрата влюбилась! Вот ужас-то!

— Почему?

— Он-то в нее не влюбился. Теперь бегает от нее. А она за ним.

Я лишь молча недоумевала.

— А я, мама, помогаю ему убегать от нее. А иногда и Артур помогает.

— Как это?

— Берем его за руку, когда он бегать от нее устает, и помогаем бежать. А еще прячем его от Лизы.

Сашка задумчиво почесал в затылке и произнес:

— Не понимаю. Если человек тебя не любит, зачем за ним бегать?

Прошел год. Мои мальчишки отловили меня на кухне, и решили допросить:

— Мама, а как вы с папой познакомились?

— Как все, — отмахнулась я.

— Я знаю, — перебил Мишка, — они шли навстречу, увидели друг друга и… бац, влюбились.

Миня приложил руку к сердцу и закатил глаза, показывая всю глубину изображаемых чувств.

— А вокруг них феечки порхали, — младший сын убедительно помахал руками.

— Не феечки, а мальчик с крылышками. Он раз, и стрелу пустил. Она в сердце попала, и папа с мамой влюбились, — выдвинул свою версию Саша. — Мама, а как его зовут, этого мальчика?

— Амур или Купидон, — просветила я.

— Здорово, — восхитился Мишка, — влюбились!

И заразительно захохотал.

— А вы думаете, что не влюбитесь? — проворчала я.

— Сашка влюбится! Знаешь как? — Миша наклонился вперед, отведя широко расставленные руки назад, и изобразил брата, устремившегося навстречу своему счастью.

Старший сын смущался, но не протестовал.

— А ты как-то по-другому влюбишься? — поддела я младшего.

— Я по-другому, — Миня низко наклонил голову, скрестил руки на груди и, сутулясь, медленно поплелся к воображаемой невесте. Лицо его при этом зверски перекосилось.

— А я знаю, как дети появляются, — Сашка заглянул мне в лицо, — когда папа с мамой женятся, Амур пускает стрелу маме в животик, и там семечко заводится.

Сын прижался ко мне и продолжил:

— А потом мама пьет молоко, и у семечка голова вырастает.

— Твоя голова, ты же первым родился, — я поцеловала Саню в макушку.

Мальчишки молча думают о тайне зарождения новой жизни, любви и невестах. Потом убегают заниматься мужскими делами. Ведь необходимо научиться лазить в дверном проеме, подражая человеку-пауку, а у Мишки еще плохо получается, поэтому старшему брату приходится давать ему дополнительные уроки. На время можно забыть о девочках.

Сломай школу

Утро проходит под несмолкаемый Мишкин стон.

— А-а-а, ваша школа! А-а-а, — раздается гневно-раздраженный вопль.

Старший брат уже четвертый день отлынивает от общеобразовательного учреждения, а Мишке никак не повезет заболеть.

— А кто-то раньше страдал, когда в садик ходил. Тоже каждый день рыдал. А ведь я говорила, потом потужишь по садику.

Это я подковыриваю.

— А-а, — рычит второклассник.

Чувствую, что со временем его лексикон значительно расширится, и одним «а» не обойдемся.

Мишка сидит на кровати, надевая брюки. Нерасчесанные волосы топорщатся на голове, нижняя губа предательски дрожит. Старший брат, Сашка, предусмотрительно удаляется в другую комнату.

Мишка бегает по комнате в поисках своих носков. Отыскав их за креслом, начинает натягивать их на ноги.

— А чтоб ваша школа взорвалась! — искренне желает добрый ребенок... — Хочу быть взрослым и деньги зарабатывать.

Концерт в Мишкином исполнении продолжается.

— Почему взрослым всегда лучшее достается? Надоело быть маленьким!

Сын ворчит профессионально, любой дедушка ему позавидовать может.

— А потом так же будешь плакать, когда на работу ходить начнешь, — предполагаю я.

— Да прям! — не верит ребенок. — На работе лучше, там деньги платят.

Мишка запихивает в пакет со сменной одеждой двух бониклов и динозавра.

Мы торопимся в школу, потому что уже опаздываем. Сын тихо бубнит под нос: «Сломай школу, сломай школу». У входа целуемся и обнимаемся, Мишка не спешит отпускать меня.

— Ладно, давай иди. Тебе тоже опаздывать нельзя.

Сын расцепляет объятия. Я смотрю ему вслед. Он добегает до крыльца и исчезает за дверью. День начался.

Главное в дружбе

Вот как вы думаете, что в дружбе самое главное? Вот если у вас и друг настоящий есть, и вы сами дружить умеете, что главное в этом случае? Объясняю: главное — удержать друга рядом с собой, не дать конкурентам увести настоящего товарища.

У моего старшего сына с первого класса дружба с Сережей. А у Сережи, помимо дружбы, еще и любовь есть, с Юлей. Сашка мой по поводу Юли очень злится и не понимает. Нет, как к девочке и даже человеку он к ней хорошо относится. Но из-за того, что у нее любовь с Сережей, Сашка переживает.

Юле мой Сашка тоже не нравится — время Сережино отнимает от нее. Но деваться некуда, Сережа один, вот и приходится в одной компании вращаться. Постоянно между Саней и Юлькой происходят мелкие стычки, они ругаются, но потом мирятся. В начале второго класса Сашка хотел сесть за одну парту с другом, но Юлька опередила. Дома Сашка ругался: «Этих любовей тысяча

может быть, а дружба одна!» Сам-то он к подобным глупостям не склонен. Так любовь нанесла удар дружбе.

А сегодня Саня нанес ответный удар. У Юли день рождения, приглашены все из компании. Родители именинницы собирают детей перед походом в ресторан: «Стройся по парам». Сашка первым сумел подскочить к приятелю и крепко вцепился в его ладонь. Юля, конечно, попыталась перетянуть Сережу к себе, но зря Сашка, что ли, на тэквондо ходит и мышцы качает? Друг остался с ним. В борьбе между любовью и дружбой сегодня победила дружба.

Так что в дружбе никогда не помешает физическая подготовка, если вам придется перетягивать товарища на свою сторону.

Очень хорошая сказка

Вечер после работы. Очень хочется отдохнуть от трудов праведных, но надо еще помочь младшему сыну сделать уроки. Читаем задание по литературному чтению: «Придумай сказку про серого волка и нарисуй иллюстрацию». Сын выжидательно смотрит на меня. Умеет ли мама придумывать сказки? Конечно, умеет, только юмор у мамы очень специфичный.

— Давай назовем эту сказку так: «Сказка про маленького серого волка», — предлагаю я.

— Не выдумывай — маленьких серых волков не бывает, — ворчит Мишка.

— Так это же сказка. Слушай. Жил-был маленький серый волк. И все его обижали. То заяц подзатыльник даст, то ежик по носу щелкнет. А когда волк пытался им рассказывать разные истории про Красную шапочку и семерых козлят, никто ему не верил и все смеялись над ним.

Мишка и старший сын молча смотрят на меня. Я вдохновенно продолжаю:

— И нарисуешь маленького волка и большого зайца.

— Мама, ты что? Таких сказок не бывает, — опускает меня на землю младший ребенок.

— Дурацкая сказка, — поддерживает его Санька, — в ней говорится о том, что маленьких обижать можно. А это нельзя, надо другую сказку придумать. Вот смотри, я сейчас Мишке затрещину отвешу, а он обидится. Чему хорошему твоя сказка учит? Ничему.

— Тогда сами свою сказочку сочиняйте, — обижаюсь я.

Мишка начинает:

— Однажды шел серенький зайчик по лесу, нес капустку. Догнал его серый волк и капустку отнял. Пошел тогда зайчик к медведю и пожаловался на волка. Пошел медведь на разборки к волку. Волк его испугался и капусту отдал. В другой раз идет зайчик, морковку несет. Волк от него морковку отнял. Тогда зайчик опять пошел к медведю и сказал: «Медведь, волк отобрал у меня морковку». Тот пошел к волку и забрал морковь. Снова идет зайчик по лесу. Догнал его волк и съел, и ушки съел, и лапки.

Тут сын делает растерянное лицо — округляет глаза и рот — и разводит руками в стороны, мол, действительно, от серого зайчика ничего не осталось.

— Узнал медведь, что волк съел зайчика, и пошел опять на разборки. А волк сделал такое удивленное лицо и говорит, что это не он зайчика съел.

Мишка и удивленное лицо показывает: вытягивает лицо вниз и растягивает губы в тонкий прямоугольник. Потом продолжает:

— А медведь ему не поверил, сначала сломал волка пополам, а потом съел.

Вот такая сказка получилась, добрая. Старшему сыну тоже понравилась — ведь в ней справедливость восторжествовала. Съел слабого — жди, что и тебя слопают.

Матный гномик

Мишка делает уроки, я сижу рядом. На мгновение он прерывается и сообщает:

— Мы в школе завтра мятного гномика вызывать будем.

Я вся в своих мыслях, поэтому мятному гномику не удивляюсь, лишь спрашиваю:

— Деньги нужны?

Мишка отрицательно качает головой:

— Нет, это в Сашкином классе будет, я к ним пойду.

— Значит, Сашке денег дать?

— Не надо денег, — отказывается ребенок и продолжает размышлять. — Или мятного ежика вызовем.

Я задумываюсь, что ж это за представление с участием мятных ежиков и гномиков, за которое не надо платить. Оказывается, это не культурное мероприятие для детей по типу масленицы, а гадание. Мои дети собираются завтра гадать вместе с Сашкиными одноклассниками, точнее вызывать гномика или ежика, да и эти оказались не мятными, а матными.

Мишка продолжает:

— Чтобы вызвать матного гномика, надо написать матное слово на бумажке, порвать ее три раза и бросить в круг. Я знаю одно матное слово. Оно начинается на «с», а последняя буква «а». Вторая — «у», а в середине — «к».

Старший брат перебивает:

— Неправильно. «Сука» — это литературное слово, так самка собаки называется.

Мишка пожимает плечами:

— Все равно. И сказать три раза: «Матный гномик, приходи». Матный гномик придет и будет смеяться тебе в лицо. И слово матное надо кровью написать или красной ручкой. Рома и Владик так уже вызывали матного гномика, и он к ним приходил и в лицо смеялся.

Тут сын приближает ко мне свое лицо и сильно смеется, изображая матного гномика. Потом продолжает:

— А чтобы вызвать матного ежика, надо, чтобы в круге было не меньше двадцати пяти человек. И он тогда либо мат тебе в лицо крикнет, либо неприятности, либо «Умри!». Одна девочка так гадала (их тогда в кругу пятьдесят пять человек было), и ей матный ежик «Умри!» кричал. И потом она летела в самолете, и он взорвался. Все выжили, а она умерла. Повезло им, которые выжили.

Сын прерывается на пять минут, чтобы решить примеры, потом рассказывает дальше:

— Я хочу себе охранников вызвать, их двое. Они будут защищать меня от бабы с поварешкой. А то эта баба придет и даст в лоб поварешкой так, что будет сотрясение мозга. А еще они от пуль охраняют. Только я не знаю еще, как охранников вызывают, завтра спрошу. А еще хочу вызвать исполнителя желаний — это крестовый король. Надо взять карту крестового короля, разорвать на сто частей и бросить в окно. И загадать заветное желание. И через год оно исполнится.

— Ну, ты самое лучшее желание загадывай, — советую я сыну, — не промахнись.

— Ага, — соглашается второклассник и продолжает страшным шепотом: — А вот пиковую даму вызывать нельзя. Чтобы ее вызвать, надо нарисовать на зеркале помадой лестницу и дверь, и еще надо, чтобы вода была. Потом постучать в дверь три раза и сказать: «Пиковая дама, приходи». И быстро стереть лестницу посередине, чтобы она не могла перепрыгнуть. Только вызывать ее нельзя.

Я пытаюсь разузнать у сына побольше подробностей про пиковую даму, но он серьезно смотрит на меня и повторяет:

— Мама, пиковую даму вызывать нельзя. Обещай мне, что не будешь так делать.

Я обещаю, и довольный сын продолжает делать уроки. Жду завтрашнего вечера, когда сын поведает мне, как смеялся матный гномик, говорил гадости матный ежик и как охранники защищали его от бабы с поварешкой.

Ежедневный развлекательно-познавательный **интернет-портал «СОЛНЫШКО» приглашает на страницы своего сайта детей и любящих их взрослых!**

www.solnet.ee
Детский портал
Солнышко

Новое в феврале 2011 года:

— февральские фотоконкурсы детского обаяния;
— новые развивающие стенгазеты для скачивания;
— ежедневный астрологический прогноз на февраль;
— викторина «Мама, милая мама» и многое-многое другое.

Добро пожаловать на сайт *www.solnet.ee*!

Двойка вместо лечения?

В современном мире умение писать, читать, понимать печатный текст, излагать свои мысли на бумаге, допуская минимум орфографических ошибок, сродни умению ходить. Многие дети обучаются этому еще до школы, вызывая законную гордость у родителей. И каково же бывает их разочарование, когда ребенок, став школьником, вдруг начинает «плохо» писать и читать. Малыша наказывают, но к желаемому результату суровые воспитательные меры не приводят — оценки не улучшаются. Мало кому приходит в голову, что традиционный путь, которым шли наши родители и педагоги тридцать лет назад, — тупиковый, что современный подход к повышению качества образования детей, особенно в начальной школе, стал совершенно иным. Рассказывает педагог-дефектолог, логопед высшей категории **Ольга Ковалевская**.

Не каждому легко учиться

Самое время посетовать на «нынешнее поколение». Какое оно нынче безграмотное! А всё компьютеры с их «олбанским», мобильные телефоны с их смсками, Интернет, телевизор... И книг теперь никто не читает...

Таково мнение обывателей. Но специалисты аргументировано утверждают, что в рукописных текстах, исполненных людьми (и детьми) с нормальным интеллектом, встречается все больше стойких типичных ошибок, называемых дисграфическими («дисграфия» в вольном переводе — что-то вроде «отрицание письма»). В середине 50-х годов прошлого века с такими ошибками писали 6 процентов младших школьников, а сейчас — уже 30.

Для любого родителя подозрения в ненормальности его ребенка невыносимо оскорбительны. Понятно, когда умственно отсталые рождаются у наркоманов и алкоголиков, но мы-то — приличные люди! И все же, по данным питерских ученых, до 55 процентов детей дошкольного возраста предрасположены к дисграфии, причем девочек среди них в полтора раза меньше, чем мальчиков. Это не означает, что все они на всю жизнь останутся патологически безграмотными, но многие из них рискуют получить проблемы с успеваемостью (и оценками) уже в начальной школе. А уж потом репутация троечника сделает свое дело.

Вспомнить всё и всё заметить

На способность к обучению влияют течение беременности и родов; важен также ранний период развития ребенка. Собственно, маме просто не следует забывать, как она себя чувствовала, когда ждала ребенка, какие лекарства и почему принимала, что происходило в роддоме, а также — когда ее малыш сел, пополз, начал улыбаться и гукать...

Разумеется, не надо доходить до крайностей: далеко не каждый младенец, выпадающий из стандартных рамок, — потенциальный двоечник. Скажем, в норме любой ребенок, начиная с определенного возраста, должен самостоятельно садиться и играть сидя. Однако, как объясняют врачи, нежелание малыша вести себя именно так может быть вызвано самыми разными причинами — как серьезнейшей патологией (неврологической или ортопедической), так и просто «сытым» животиком, мешающим сидеть.

Очевидно, что «стандартные» люди (и дети) — огромная редкость; раньше доктора шутили, что самая редкая болезнь — описанная в учебнике корь. Так и проблемы с обучением. Раньше они вообще не возбуждали интереса у школьных учителей; теперь же неуспевающий ученик рассматривается скорее как нуждающийся в помощи и в меньшей степени — как объект массированного применения воспитательных методов.

Борьба за ребёнка и его грамотность

В идеале, насторожиться должны родители и педагог. Причем если родным непременно бросится в глаза, что умненький ребенок резко «поглупел» и «что-то не так», то учитель уж сумеет распознать и определить, что же именно «не так». По логике, следующий этап — направление ребенка к соответствующему специалисту; обычно это логопед.

Однако на практике все не так просто. Во-первых, по мнению многих, логопед — это специалист по красивой речи (что-то вроде маникюрши или косметички, если переводить на «взрослые» понятия), поэтому с картавым («умильный» образ, эксплуатируемый в рекламных роликах) или плохо говорящим ребенком к логопеду обращаются далеко не все. К тому же на осмотрах в поликлиниках родителей даже явно проблемных детей часто уверяют: «У вас все в порядке». Плохую речь с потенциально плохой успеваемостью обыденное сознание не связывает — у большинства взрослых отсутствует личный опыт по этой части. А между тем эта связь уже не вызывает сомнений, если только дефект произнесения не является действительно «косметическим» или вызванным анатомическими особенностями, допустим, нёба. И определить это должен именно логопед.

Во-вторых, как это ни странно и ни прискорбно, учителя, столкнувшись с «нерадивым» учеником, вместо того чтобы профессионально распознать проблему и предложить родителям конструктивные пути ее решения, начинает применять «воспитательные методы». Все пишут строчку — а этот «лентяй» три. Всем одно упражнение на дом — ему дополнительное. А еще можно вызвать маму и настаивать, чтобы она (по профессии инженер, к примеру, или микробиолог, да еще приходящая с работы только к программе «Время») больше занималась с ребенком дома, заставляя его упражняться в письме... Хорошо еще, если в школе есть логопед и он худобедно контактирует с учителями начальных классов, — тогда есть вероятность, что ребенок получит квалифицированную и адекватную помощь. Но слишком часто вместо лечения ребенку прописывают «воспитание».

Следует также учитывать, что, родители — на всякий случай! — старательно избегают различных «неприличных» диагнозов. В идеале, с родительской точки зрения, медицинская карта при поступлении в школу должна содержать только запись о первой группе здоровья и сведения о прививках. Подобный — практически фиктивный документ — бессмыслен, он только вводит в заблуждение педагогов, психологов, логопедов, которые могли бы помочь при возникновении проблем с учением. Но и позиция родителей вполне понятна: на квалифицированную помощь именно в школе гарантированно рассчитывать они не могут (этому учит их жизненный опыт), а разглашать интимную информацию никому не хочется. Вот и замечают сложного ученика не в момент поступления в школу, а тогда, когда надо уже принимать срочные меры. Если, конечно, есть, кому принимать.

Смотри в оба, зри в три!

Понятно, что первую скрипку в развитии и образовании ребенка играют родители. Именно им, неравнодушным, следует насторожиться и

пристальнее наблюдать за тем, как ребенок читает и пишет, — тогда рано выявленные дислексия (нарушения чтения) и дисграфия будут скорректированы логопедом и не окажут влияния на дальнейшую жизнь.

Итак, в группе риска дети младшего школьного возраста:

- имевшие сложности при рождении и в первый год жизни;
- левши и переученные правши;
- посещавшие по речевым показаниям логопедический детский сад или имевшие диагноз «общее недоразвитие речи»;
- часто болеющие;
- слишком рано поступившие в школу;
- недостаточно способные к звукобуквенному анализу (не могут определить, какой звук в слове первый, какой последний и т.п.);
- имеющие проблемы с мелкой моторикой (неловкие пальчики);
- растущие в семье, где говорят на двух и более языках;
- обладающие вялой артикуляцией («каша во рту»);
- заторможенные или, напротив, проявляющие повышенную активность;
- испытывающие проблемы с вниманием, памятью.

Самодиагностика не противопоказана

Что именно в тетрадях маленького ученика должно насторожить родителей к концу первого — началу второго класса? На какие «неправильности» следует обращать внимание, когда он уже бегло читает вслух?

Ошибки сами по себе не страшны — плохо, если они специфичны, типичны и носят стойкий характер:

- ребенок путает буквы, на письме выглядящие похоже *(б—д, п—т, а—о, д—у);*
- плохо говорящий ребенок на письме подменяет буквы, не имеющие звуковой замены (*с*апка — *ш*апка);
- на письме подменяются звуки и сочетания звуков, произносящиеся с похожей артикуляцией *(у—о, е—ю, р—л, ль—й)*, а также свистящие — шипящие и звонкие — глухие согласные;
- пропускаются буквы, слоги, не дописываются слова;
- наблюдаются «застревания» («за*з*омом» вместо «за ***д***омом») и «предвосхищения» («*д*ад небом *л*олубым» вместо «над небом голубым»);
- нет умения передавать на письме мягкие согласные («Л*у*ба» вместо «Л*ю*ба», *«сольить»* вместо *«солить»*);
- предлоги со словами пишутся слитно, а приставки с последующим корнем — раздельно, то есть ребенок не видит, не различает в тексте эти случаи;
- ребенок «не видит строчку» — не попадает ручкой в нужное место, пишет выше или ниже линеек;
- ребенок не видит границ предложения: не ставит точку, не пишет заглавные буквы в начале предложения;

У каждого своя роль

Комплексная проблема требует комплексного решения. В идеале ребенком-дисграфиком должны *вместе* заниматься родители, учитель, логопед, психолог, детский психиатр, невролог. Психиатр и невролог нужны в тяжелых случаях, если выяснится, что маленькому пациенту необходимо назначить какие-то медикаменты, — ни логопед, ни психолог не могут прописать даже обыкновенной валерьянки. В прочих же случаях роли, по идее, должны распределиться так.

Родители инициируют начало занятий и выполняют дома назначения специалистов. Логопед и психолог непосредственно проводят занятия. Учитель поддерживает и ободряет всех — только вот учителя такие, к сожалению, в наших школах встречаются нечасто. Неплох вариант, когда психолог и логопед есть в школе, — тогда и они будут работать с учителем; вероятность полного решения проблемы выше. Если же занятия с ребенком проходят «на выезде», а учитель, не обращая внимания на просьбы родителей, продолжает его «воспитывать» (такой вариант тоже нельзя исключить), возможно, придется ставить вопрос о смене класса или даже школы.

Чтобы помочь школьнику — а речь идет именно о помощи! — сочувствующее взрослое окружение тоже должно изменить свое поведение. Это сделать не так сложно, правил немного, но вот следовать им надо неукоснительно:

— много писать вредно — поскольку ошибки типичные и стойкие, лишнее повторение просто закрепит их, а вовсе не исправит;

— на первых этапах хороший результат дает проговаривание написанного вслух, звуковой анализ слов;

— занятия должны быть регулярными;

— категорически недопустимо ругать ребенка за ошибки — напротив, каждый, самый малюсенький успех заслуживает похвалы и поощрения.

Само не рассосётся

А может, ну его? Вдруг ребенок просто «перерастет» проблему? Увы, скорее всего, нет. Она наверняка усугубится, ярко проявится при переходе в среднюю школу, получит новое качественное наполнение и название *дизорфография*. Старательный ученик будет учить правила и даже на пятерки отвечать их у доски, а вот применять не сумеет, поскольку не научился видеть «подходящие» случаи в реальной жизни. Статистика всегда красноречивее слов. По данным все тех же питерских исследователей, такие нарушения письменной речи отмечаются у 14 процентов девочек-пятиклассниц и у 44 процентов мальчиков. А к девятому классу эти цифры возрастают уже до 30 и 52 процентов соответственно! Разумеется, со всеми обследованными детьми специалисты не работали. Вот почему дисграфию желательно «не выпускать» из начальной школы.

Записала Елена Никитина

Непростое время перемен

Из первых уст

Тем, кто родился в девяностом году, пошел третий десяток. Это совсем не много, но многие из них уже стали папами и мамами, и их «крохи», глядишь, вот-вот придут и спросят, что такое хорошо и что такое плохо. Не в космически-этическом смысле, а в конкретно-историческом. Скажем, стоит на площади Октябрьской революции памятник Ленину — это хорошо? Пошли в кинотеатр «Орбита» на проспекте Андропова — а кто это такой? Он хороший?

На детские «Почему?» не всегда просто ответить. Вот несколько невыдуманных случаев из жизни. Семилетка без всякого аппетита вертит в руках апельсин, а бабушка возьми да расскажи ему, когда, де, твоя мама была такой, как ты, мне приходилось по три часа стоять в магазине за апельсинами. Внук искренне удивляется: «А что, ты не могла в другой магазин пойти?»

Пятиклассник смотрит фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», покатывается, конечно, со смеху, но главного не понимает: «А почему этот Костя Иночкин не мог попроситься домой? Моя бы мама не меня, а того дядьку стала ругать. И почему это все они терпят такие порядки?»

Дети быстро растут, и если взрослые не успевают заразить их карьеризмом или пофигизмом, то годам к семнадцати в них обостряется здоровое чувство справедливости, и многое из того, что они видят вокруг в современной России, не может это чувство не оскорбить. Самый естественный для юного радикализма, не обремененного знанием истории, вывод: раз сейчас плохо, значит, раньше было хорошо. От сегодняшнего дня до сталинских времен примерно столько же, сколько от начала Второй мировой до русско-турецкой. Что там было, чего не было — поди знай. Если, конечно, не знаешь по-настоящему. Более близкое брежневское болото все больше кажется сочно-зеленой лужайкой, где все были пусть бедны, но равны, читали много книг и бесплатно учились и лечились. А к совсем недавним девяностым прочно приросло словечко «лихие», а чего уж там будить лихо! Мифы — любимая пища демагогов. Хотим ли мы, чтобы этой пищей кормили наших детей и внуков?

Надо ли политизировать детей? Конечно, нет. А вот информировать надо.

Мы обратились за информацией к Общественному совету «Уроки девяностых», который является исследовательским подразделением Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина». Возглавляет Совет Евгений Григорьевич Ясин, издательским проектом руководит Петр Сергеевич Филиппов. Его мы и попросили представить новую рубрику, которую открываем в журнале для всех тех, кто хочет добросовестно отвечать на вопросы стремительно подрастающих крох. Помимо рассказов очевидцев и отрывков из новых книг, мы постараемся помещать здесь ответы на вопросы, которые неизбежно возникают у молодых людей, которые действительно хотят разобраться в недавнем прошлом и участвовать в ближайшем будущем своей страны.

Сегодня о «лихих девяностых» чаще всего говорят плохо или ничего. Связано это чаще всего с сиюминутными интересами политиков, которые в стремлении получить поддержку электората действуют по известному рецепту «валить все на предшественников». Это опасно, прежде всего, для народа, ибо история не учит, она наказывает за невыученные уроки!

Уходят из жизни те, кто делал историю новой России, кто разрушал тоталитарную советскую политическую систему и старался повернуть страну на путь демократии, эффективной рыночной экономики и правового государства. Их воспоминания о тех годах, о вызовах, которые вставали перед страной, важны для нас и наших детей. Их интервью — важнейший источник информации для тех, кто хочет получать знания из первых рук. Проект, с которым смогут теперь ознакомиться читатели «Семьи и школы», позволяет узнать об истории новой России из уст ее непосредственных участников: бывших и действующих государственных деятелей, судей, банкиров, бизнесменов, юристов, экономистов, журналистов. Несомненно, это окажется полезно также учителям истории и обществознания.

Непродуктивно рассматривать историю как набор разрозненных событий, связанных датами и именами. Такая история, даже если ее разбавить текущей идеологической оценкой личностей, мало чем отличается от средневековых летописей. Подобный «летописный подход» основан на расхожем утверждении, что история не имеет сослагательного наклонения. Однако история — это прежде всего история развилок: экономических, политических, ментальных, связанных с динамикой мировых цен, с принятием политических решений, с изменением жизненных установок широких слоев населения.

Задача настоящей Истории как общественной науки заключается в изучении этих альтернатив, анализе объективных условий принятия исторических решений, их реальных целей и имевшихся ресурсов. К этому и стремились авторы очерков и респонденты интервью. Такой подход ограничивает возможности исторических спекуляций, подводит под известные события твердую почву реальности, позволяет оценить плюсы и минусы тех или иных решений и их влияние на развитие страны.

Желающие ознакомиться с текстами интервью и очерков в полном объеме могут сделать это на сайтах www.ru-90.ru и www.norma-spb.ru

Петр Филиппов

Общественное мнение о реформах начала девяностых

Левинсон Алексей Георгиевич, руководитель отдела социокультурных исследований Аналитического центра Юрия Левады

То, что проведенные или хотя бы начатые правительством Ельцина—Гайдара преобразования имеют исторический масштаб, стало видно тогда, когда новая реальность стала жизнью общества. Эта революция произошла с минимальным применением насилия, не привела к гражданской войне, как произошло в России после Октября или в бывшей Югославии в наше время.

Сами люди, даже описывая последствия реформ в терминах «богатство», «бедность», «нищета» в проводимых нами в начале 1990-х годов исследованиях по проблемам бедности, не ограничивались собственно материальными обстоятельствами. Главным для них было не обеднение, а потеря статуса — и отдельным человеком, и семьей, и целым социальным слоем. За этим стоял слом всего строя жизни.

В результате рыночных реформ не только поменялся характер экономики: были предприятия государственными, стали частными; прекратили работу крупные заводы, но открылись небольшие фирмы; закрылись промышленные предприятия, но появились многочисленные предприятия сервиса. Важно и то, что произошли перемены в субъективном восприятии течения времени: исчезло и прошлое, и будущее, а настоящее лишилось надежности и определенности.

Прошлое исчезло в том смысле, что обесценились накопленные капиталы — финансовый, социальный, культурный. Сбережения пропали, прежний авторитет перестал приносить почет и уважение, имеющиеся знания стало негде применять. Это больнее всего ударило по пожилым людям, которые намеревались жить именно этим накопленным капиталом во всех его видах. Потеря капиталов (всех вместе и разом) получила название «ограбление народа». В нем обвиняют реформаторов во главе с Гайдаром.

Исчезновение будущего заключалось в утрате многими слоями общества представлений о том, что их ждет. Коммунистической перспективы лишились те, кто в нее верил, пусть их было немного. Исчезла и характерная для застойных советских лет бытовая уверенность миллионов в том, что «завтра будет, как вчера». Достаточно широко распространившаяся надежда, что Россия вернулась на путь цивилизованных стран и в скором времени достигнет такого же благополучия, как и Европа, просуществовала недолго и рухнула.

Опросы того времени показывали, что россияне демонстративно отказывались думать о будущем, утверждали, что его у них отняли и они не знают, что произойдет через две недели, не говоря о более длительной перспективе.

Что касается настоящего, то в начале 1990-х годов текущее положение дел многие воспринимали как временное и в этом смысле — ненастоящее. Не только собственное смещенное положение казалось им ненастоящим, но и положение всей страны. Именно слом привычного порядка вещей и его замена на «непонятно какой» ставились в вину реформаторам.

Для социальных революций характерны сильные перемены в картине мира. Общей проблемой было то, что приобретаемые новые позиции не имели твердо прикрепленных к ним оценок. Так, многие утратили «приличное» положение ИТР, служащих, педагогов и стали «челноками», торговцами, коммерсантами. И даже если они не только восстановили утраченное благосостояние, но и разбогатели, их новое положение не имело устойчивой положительной социальной оценки, признания в глазах значимых для них авторитетов и, соответственно, в их собственных глазах. Поэтому эти люди считали себя «всё потерявшими». О своем новом богатстве они предпочитали умалчивать или говорили со смущением и мечтали вернуться в прежнее «приличное» положение, а не наращивать богатство и расширять потребление.

В трудах отечественных социологов показано, что советская интеллигенция, — часть советской элиты, ответственная за воспроизводство сферы культуры как системы управления обществом в целом, — уходит с разрушением советского строя. Это доказывают широко распространенные тягостные переживания интеллигенции, ощущающей тотальный кризис, крушение своего привычного мира, собственную выброшенность из жизни, с одной стороны, и утрату жизнью дорогих ей черт культурности, нравственности, цивилизованности — с другой.

На начальном этапе гайдаровских реформ интеллигенция была их социальной опорой. Но позже именно в этой среде возникло острокритическое отношение к реформаторам — «виновникам развала страны», каким представлялся интеллигенции развал ее собственного жизненного мира.

К тому же носители прежней интеллигентской культуры в новой ситуации увидели утрату привилегированности, исключительности своего статуса людей с дипломами о высшем образовании. И справедливо отмечали резкое падение качества обучения в вузах. Молодые люди учатся плохо и «для корочек», а набравшие много студентов вузы учат плохо. И хотя все изменения в системе высшего образования произошли через несколько лет после ухода Гайдара с его поста, вину за это по традиции возлагают тоже на правительство реформ.

Отношение к рыночным преобразованиям, начатым в 1990-е годы, в обществе всегда было неоднозначным. Доля тех, кто полностью и безоговорочно поддерживал их, сразу была небольшой. Лишь позже обозначился некоторый рост, но он оказался неустойчивым. Одновременно росла доля тех, кто пришел к выводу, что эти реформы «были болезненны, но необходимы»: с 15 процентов в 1999 году до 31 процента в 2009 году. В полезности и необходимости реформ убеждены более 30 процентов россиян, а 46 процентов высказали отрицательное мнение о них.

Наши данные показывают, что сегодня нет неприятия самой идеи реформ. За их продолжение — правда, при укреплении роли государства и обеспечении социальной защиты населения — выступает более 50 процентов населения. И еще 23 процента — за доведение до конца реформ в

Вопросы молодых

Как в СССР устанавливались цены?

Оптовые цены на товары в СССР устанавливались Государственным комитетом цен исходя из плановой себестоимости, рассчитанной на основании нормативов трудовых и материальных затрат. Проекты нормативов разрабатывали сами предприятия, а утверждало министерство. Проверить нормативы, расписанные для миллионов технологических операций по сотням тысяч видов продукции, было физически невозможно. Поэтому предприятия представляли на утверждение проекты нормативов с большим «запасом». В проект директивной цены с лихвой закладывалась «плановая прибыль».

В таких условиях снижение затрат на выпуск продукции противоречило интересам руководителей. Ведь они отвечали, прежде всего, за выполнение плана по выпуску продукции в денежном выражении. Чем выше нормативы затрат — тем выше плановая себестоимость изделий и их цена, тем проще выполнить план. Зачем биться за экономию, если проще завысить проекты нормативов и ублажить кого надо в министерстве.

Розничные цены на товары были оторваны от оптовых за счет произвольно устанавливаемого государством «налога с оборота». Спуская сверху зарплату и розничные цены, советское государство могло отнимать у граждан сколь угодно большую часть их заработков и направлять их на гонку вооружений, поворот сибирских рек, мелиорацию болот и другие цели, важные для руководителей КПСС.

Могла ли при таких стимулах советская экономика быть экономной?

собственно гайдаровском духе, то есть с сокращением роли государства. Итого на долю сторонников реформ приходится 73 процента.

Запущенные правительством Ельцина—Гайдара реформы должны были дать результат в контексте свободного демократического общества с присущими ему институтами общественного участия и контроля над исполнительной властью. Предполагалось, что рыночная экономика будет развиваться на основе массовой инициативы граждан. Эта модель предусматривала общественное саморегулирование и самоуправление. В ней не было места для советской всевластной бюрократической вертикали. Правительство реформ стремилось демонтировать экономические основы советского строя — не только путем приватизации, но и в вопросах управления и распоряжения госсобственностью. Прилагались усилия к тому, чтобы реставрация прежнего строя была невозможна не только политически, но и технически.

Сегодня приходится признать, что российская бюрократия сумела воспользоваться рыночными реформами, как никакая другая социальная группа. По своему влиянию она обогнала в этом даже буржуазию, которая, по идее, должна была быть основным получателем выгоды от рыночных реформ.

Тот строй, который установился в России, нельзя считать полным возвращением к советским порядкам. Если уж говорить о реставрации, то речь скорее можно вести о воссоздании советской бюрократической вертикали, только в еще более неприглядной форме. Сформированная при поддержке нынешней российской политической элиты административная вертикаль, составленная из администрации президента, правительства, губернаторов, мэров и далее вниз, вполне самодостаточна. Она произвольно и избирательно выполняет функции и законодательной, и судебной власти. Эта вертикаль суверенна в том смысле, что ее решения непререкаемы и она отвечает только сама перед собой. Народ сегодня воспринимает ее как настоящую власть, а парламент и суд — как подчиненные органы или декорации. Именно с суверенностью исполнительной власти и ее боевого отряда — милиции, ФСБ, прокуратуры — эксперты связывают небывалый расцвет коррупции в России.

При этом приходится признать, что политическая конкуренция фактически отсутствует, новая «партия власти», беззастенчиво используя административные рычаги и контроль над телевидением, стала «руководящей и направляющей». То есть произошла частичная реставрация партийной власти. Несут ли реформаторы ответственность за то, что такая система воспроизвелась после десятилетнего перерыва?

Отвечая на вопрос: «Почему возникают проблемы с проведением демократических и рыночных реформ в России?», 51 процент опрошенных в качестве главной причины назвали «коррумпированность правящей элиты». Напомним, что тезис Д. А. Медведева о том, что коррупция — одно из главных зол в России, российская публика поддержала более других его критических замечаний о положении дел в стране. Поддержка превысила 80 процентов. Субъектом коррупции традиционно считают бюрократию. Таким образом, россияне косвенно поддержали приведенный выше тезис о том, что бюрократия так или иначе обращает процесс реформ себе на пользу.

Реформы Гайдара в момент их проведения не называли «шоковой терапией». Этот термин тогда был тесно связан с реформами, которые проводились в другой стране и в иной социальной обстановке. Его стали использовать позже, отбросив позитивное содержание, говорившее о терапевтическом эффекте. Реформы действительно оказались шоком для многих людей и вспоминаются именно этим. Недобрая память о Гайдаре имеет прежде всего эти корни.

Приписывать какому-либо народу, обществу, состоящему из множества групп, институтов и интересов, «прорыночную» или «антирыночную», «продемократическую» или «антидемократическую» ориентацию неразумно. История России с 1985 года по сегодняшний день показывает, что обществу случалось в значительной своей части и поддерживать реформы рыночно-демократического характера, и высказываться против них. Пример России здесь не уникален. Впрочем, консолидация значительной части общества на прорыночных и продемократических позициях имела место до того, как оно познакомилось с рынком и демократией. Разочарование возникло потому, что положительным сторонам этих институтов в полной мере так и не дали сложиться. Рынок оказался под жесточайшим прессингом бюрократии, пережил неестественную концентрацию и монополизацию. Сосуществование свободной рыночной экономики с авторитарным режимом оказалось невозможным, хотя возможность этого пытались доказать народу, ссылаясь на пример Чили при Пиночете. В итоге российская экономика трансформировалась лишь в частично либеральную. Ожидания россиян, связанные с декларированным социальным характером российского государства, тоже оказались напрасными.

Народ, мечтавший о рыночной экономике и демократии как социальном строе, похожем на «хороший» социализм, но обогащенный продуктами эффективной капиталистической экономики, сегодня обнаруживает себя в совершенно иных условиях. Рыночная экономика, отягощенная административной рентой, без надежных гарантий частной собственности,

с элементами государственного социализма, не в состоянии обеспечить высокие темпы развития в несырьевых отраслях. Производительность труда на российских предприятиях много ниже, чем в соседнем Китае, издержки производства запредельно высоки, а качество продукции низкое. Нынешняя система лишь распределяет доходы, обусловленные природной рентой и не связанные с добавленной трудом стоимостью, с массовой самодеятельной активностью населения. Следствием этого является относительно низкий уровень доходов населения в сравнении с развитыми странами.

Наступившее будущее оказалось не таким, каким его представляли себе во времена гайдаровских реформ и их сторонники, и их противники. Однако глухое ощущение никчемности тех, кто некогда считал себя и себе подобных «солью земли», сохраняется. Правда, основа его теперь иная. Суть нынешней экономики, как ее представляют в народе, не в том, что она рыночная, а в том, что она сырьевая, перестала быть индустриальной.

По подсчетам экономистов, основная часть российского внутреннего валового продукта создается сейчас в нефтегазовом секторе. Там занята не треть, а 3 процента работоспособного населения. Их трудом, говорят респонденты, создается национальное богатство, а остальные это богатство распределяют и перераспределяют («растаскивают», как выразился один из респондентов).

В российском обществе об умершем общественном деятеле, как правило, говорят лучше, чем при жизни. Смерть как бы приносит признание его правоты. В случае с Гайдаром это если и произошло, то далеко не во всех слоях общества. Известие об его смерти 15 декабря 2009 года у 40 процентов респондентов не вызвало никаких особых чувств, у 30 процентов вызвало сожаление, у 10 процентов — печаль, у 10 процентов — смешанные чувства, у 2 процентов — раздражение, у 4 процентов — удовлетворение.

Действительно, российское общество испытывает «смешанные чувства» по поводу реформ, ассоциируемых с именем Гайдара. Чаще прочих о скорби в связи с его потерей заявляли образованные люди, специалисты, руководители, хотя и эта часть общества не считает себя в выигрыше от гайдаровских реформ. В то же время российский бизнес-класс — не гайдаровским ли реформам он обязан своим возникновением? — реже остальных выражал сожаление и печаль. Траурная весть в основном у него «не вызвала никаких особых чувств».

Приходилось не раз слышать, что более других Гайдара ненавидели пенсионеры. Но на самом деле сообщение о его смерти встретили с «удовлетворением» только 6 процентов пенсионеров, что лишь немного выше среднего значения по выборке (4 процента).

Реакция на кончину Гайдара в сконцентрированной форме выразила, видимо, сложное отношение к его персоне: оно различалось в разных слоях общества, противоречивым оказалось и само содержание этого отношения в каждом конкретном случае.

Жест депутатов российского парламента, отказавшихся почтить память Гайдара вставанием, показал, что нынешняя политическая элита отказывается считать себя причастной к тому политическому и экономическому направлению, которое задали гайдаровские реформы. Этот жест много говорит об этике нынешнего депутатского корпуса. Но он также дает важное указание тем, кто хочет разобраться, за что реформаторы несут, а за что не несут историческую ответственность. Можно сказать, что своим отказом встать нынешние депутаты сняли ответственность с Гайдара за тот политический и экономический строй, который они легитимизируют своими голосованиями.

Между тем состоявшееся в конце путинского президентства повышение жизненного уровня широких слоев населения стало возможным не просто благодаря нефтяным доходам. Эти доходы и налоги с них смогли быть усвоены российской экономикой в той мере, в какой она приобрела рыночный характер. А это произошло в конечном счете в результате реформ, проведенных правительством Ельцина—Гайдара. Благодаря им поступившие в страну нефтяные доходы смогли через сложившуюся новую сферу услуг, среднего и малого бизнеса быть перераспределены от самых богатых к менее богатым и далее вниз по лестнице доходов. Не было бы этих капиллярных каналов рынка, не было бы и роста доходов населения.

В заключение отметим, что российское общественное мнение косвенно и по отдельности приняло и в этом смысле признало грандиозные перемены, происшедшие в жизни страны. Но российская общественность не связывает их с правительством Ельцина—Гайдара. В отношении к Гайдару действуют специфические клише. Они не позволяют населению оценить по достоинству вклад реформаторов и самого Гайдара в модернизацию России. Однако более важно то, что заложенные реформаторами рыночные и демократические ориентиры развития пока не дали того результата, на который они рассчитывали. Развитие страны пошло по другому пути — будем надеяться, временно.

Вопросы молодых

Зачем нужна приватизация, разве государственные предприятия хуже работают, чем частные?

Жизнь показывает, что хуже. Почему? Потому что директор госпредприятия объективно заинтересован в переводе его активов в свою собственность. Например, доход от сдачи помещений в аренду по закону должен перечисляться в бюджет. Директор заключает договор аренды со своей фирмой по расценкам, заведомо ниже рыночных, после чего помещение передается в субаренду настоящим арендаторам — уже по рыночным ценам. Разница остается у менеджера. Часто директора обеспечивают себе «золотые парашюты» — высокооплачиваемые рабочие места в частных фирмах, создаваемых за счет активов госпредприятий или компаний с государственным участием.

Если деятельность менеджеров частных компаний проходит под контролем конкретного физического лица или нескольких лиц, которым принадлежит бизнес, то в случае госпредприятия отсутствует конкретный человек, который заинтересован в эффективном управлении госпредприятием. Государственные служащие, в том числе и разного рода контролеры и следователи, имеют слишком много собственных интересов, и чаще всего не следуют официально декларируемым целям государства.

Большую роль играет стремление директоров госпредприятий избежать рисков при освоении новых технологий и новой продукции. Любой инвестиционный проект имеет две стороны — доходность и риск. Если проект окажется провальным, это может сказаться на карьере директора. Поэтому, перестраховываясь, он всегда будет выбирать менее рискованный и менее доходный проект, что в целом будет негативно отражаться на успешности госкомпании. Эффективного частного собственника и стимулов, которые побудили бы менеджеров госпредприятий поступать иным образом и рисковать с инновациями — нет.

По этим причинам страны, где предприятия находятся в частной собственности, развиваются быстрее, а уровень жизни населения в них выше. Приватизация 90-х годов открыла перед Россией перспективу попасть в число развитых стран. Сумеем ли мы воспользоваться такой возможностью?

Бессменный дежурный по стране

Мариэтта Чудакова

Ссылки на новеллы и миниатюры Михаила Жванецкого даются по собранию сочинений в пяти томах (Москва, «Время», 2007).

1.

Этот, самый первый раздел я пишу для моих постоянных адресатов — для тех, кому до 16 лет.

Им все-таки необходимо объяснить, кто же такой Жванецкий. И одновременно напомнить, что несколько его давних-давних сочинений — это уже самая настоящая *классика*. И как раз такая классика, с которой стоит познакомиться пораньше (хотя смеяться будете в любом возрасте).

Конечно, некоторые из вас видят Михаила Жванецкого каждый месяц — в телепередаче «Дежурный по стране». Смеются вместе с родителями или бабушками и дедушками над его остротами. Они действительно всегда и неизменно *острые* — в отличие от довольно-таки тупого юмора большинства сегодняшних телеюмористов.

Но дело-то в том, что этот писатель точно так же страшно смешил нас своими коротенькими сочинениями и почти полвека назад, то есть в годы весьма суровой советской цензуры (сейчас, как известно, любая цензура *запрещена* Российской Конституцией). Он писал эти тексты для своих сотоварищей-актеров — Романа Карцева и Виктора Ильченко, а потом и для знаменитого Аркадия Райкина. И тот со сцены с неподражаемым актерским мастерством и в то же время с тонким и бережным ощущением авторского текста (чем далеко не всегда могут похвалиться даже очень хорошие актеры) рассказывал публике о том, что все и так прекрасно знали, но о чем нельзя было ни говорить публично, ни писать.

Жванецкому и Райкину такое сходило с рук, видимо, потому, что само запрещающее начальство тоже безудержно смеялось, а после этого запрещать было не очень удобно.

Например, один изобретатель сделал некую машину — и ее решили отправить на выставку в Париж. «Правда, самого не пустили, у него кому-то чего-то не понравилось в рентгене; анализы у него не те».

В этом месте все уже смеялись, и многие горьким смехом: в зале сидело немало тех, кого *никогда* не выпускали за границу (такой был ходячий глагол — «его *не выпускают*»). При этом нередко ссылались на медицинские показатели...

«…Так что поехал я, у меня в этом смысле не придерешься — все качественное и количественное. И девчушка еще из колхоза поехала, ей давно обещали во Францию». (...Да за одно только это слово — «девчушка», поставленное в надлежащем месте, я дала бы Жванецкому любую литературную премию!)

Естественно, этот политически надежный человек ничего не понимает в машине, которую сопровождает. «Перед отъездом с изобретателем переговорили: выяснили там, какие заряды, какие притягиваются, какие оттягиваются…»

Если вы полагаете, что это — забавная выдумка, должна вас разочаровать. В советское время этот было самое обычное дело — изобретали одни, а демонстрировать изобретение ехали совсем другие. И в Италию никогда, до самой смерти «не выпускали» того, кто жизнь отдал изучению искусства Ренессанса. И на конференцию по искусству итальянского Возрождения вместо него ехал тот, кто ничего не понимал ни в итальянском, ни в каком другом искусстве. И это было — уверяю родившихся в 1990-е — совсем не исключение, а самая что ни на есть рутина. И вот накопившиеся у Жванецкого впечатления этого рода (не знаю, но почти уверена, что его самого до конца советской власти за границу не пускали) спрессовались наконец в литературный текст.

...Итак, вполне правдоподобным образом приехали в Париж, распаковались. «Народу набежало уйма. Машина — всеобщий восторг». Сопровождающий «речь толкнул и закончил по-французски. Так и сказал: “Селяви!” В смысле — есть что показать! Народ мне кричит: “Включайте!”…

И вот тут мы куда-то что-то воткнули...

Потом меня спрашивали: «Куда ты воткнул, вспомни давай!»

Комиссия приехала из Москвы, меня спрашивала: “Куда ты втыкал, ты можешь вспомнить?” Какое вспомнить, когда врачи ко мне вообще два месяца не допускали, у меня состояние было тяжелое.

Девчушка, та покрепче оказалась, но у нее что-то с речью и не может вспомнить, как доить. Принцип начисто забыла! Откуда молоко берется, не помнит. Сейчас ее колхоз за свой счет лечит...

Изобретателя же хотели под стражу взять, но за него коллектив поручился, так что просто взяли подписку о невыезде. Легко отделался…

Я вот, как видите…Маленько перекос, и вот не сгинается». (Старшие поколения хорошо помнят, как *показывал* это Аркадий Райкин!..) «Говорят, могло быть и хуже. Ну ничего, я подлечусь. Живем в век техники! Так что, может, еще и в Японию поеду!» *(В век техники. Собрание сочинений, том 1. Шестидесятые.)*

И скорей всего — действительно поехал. За государственный счет.

2.

А вот просто очень смешная вещь — «В Греческом зале». Хотя и грустная тоже — у Жванецкого без этого не бывает. В общем, о том, как многие мужчины в России культурно отдыхают... Можно было бы дать подзаголовок: *«О том, чего не было, но что вполне могло бы быть»*.

«Дали этим женщинам два выходных, так они прямо с ума посходили». (...О том, как в середине 60-х годов субботу сделали выходным днем. Это был настоящий бескровный переворот! Когда по субботам работали, люди в семьях почти что не виделись друг с другом.) «Убивают время как попало. Вместо того чтобы отдохнуть… В прошлое воскресенье потянула она меня на выставку. Вернисаж какой-то… Я думал — музей как музей. А это не музей, а хуже забегаловки: горячего нет, один сыр и кофе. В Третьяковке хоть солянка была, а на вернисаже одна минеральная. Нет, думаю, тут не отдохнешь…

А воскресенье проходит.

Пока экскурсия таращилась на статую, я выскочил, прихватил на углу. Только разложился, газетку постелил, вахтерша прицепилась:

— В Греческом зале, в Греческом зале, как вам не стыдно!

Аж пенсне раскалилось. Я ей так тихо возражаю:

— Чего орешь, ты, мышь белая?.. Ты здесь каждый день дурака валяешь. А мне завтра на работу. Стакан бы лучше вынесла… Видишь, человек из горла булькает?!

…Что селедку?.. Кто селедку?.. Какую селедку?.. Ну, селедку развернул у него на плече… А что ему сделается? Двести лет стоял, еще простоит, а у меня выходной кончается…»

И дальше все нарастает и нарастает этот диалог двух миров — двух собеседников, не понимающих друг друга. Жванецкий — мастер доведения вполне реальной ситуации до помрачающего ум гротеска.

«Тут я ей совсем тихо, ну тихо совсем:

— Слышь, штопор есть?

— Это итальянская живопись семнадцатого века!

— Ты не поняла, — говорю, — я тебя не спрашиваю, где брала живопись, я спрашиваю: штопор есть?»

Читать рассказ нужно обязательно до конца.

И у меня созрело такое предложение к учителям и старшеклассникам: очень бы стоило исполнять его людям с актерскими задатками на каких-нибудь школьных вечерах. Конечно, не

ранее девятого класса. Пусть послушают, куда можно прибыть, если пойти по известной дорожке. Посмеются от души. А там, глядишь, и задумаются.

Пожалуй, подошел бы для школьного вечера — уже безо всякого назидания — и рассказ про советский футбол. Учителя бы смеялись, узнавая, а их ученики — просто потому, что — смешно. Впрочем, наиболее вдумчивые, возможно, распознали бы в старом — очертания чего-то заново, к сожалению, нарождающегося.

Прежде самого рассказа надо напомнить про особый советский словарь, в котором многие слова имели не совсем то или даже совсем не то значение, которое имеют они в обычном толковом словаре русского языка. Например, слово «доверие».

В газетных статьях и публичных выступлениях всяких партийных (партия, напомним, была только одна — коммунистическая, она же правящая, что было записано раз и навсегда — то есть от выборов не зависело — в Конституции) деятелей это хорошее слово употреблялось только в таких словосочетаниях: *завоевать доверие партии, доверие народа, безграничное доверие...*

Например: «безграничное доверие всего советского народа Генеральному секретарю нашей родной *(это уж как правило! — М. Ч.)* Коммунистической партии товарищу Леониду Ильичу Брежневу!» Тут уж происходила полная порча хорошего слова — окончательная утрата его сокровенного смысла.

Можно было *оправдать доверие* (партии и народа), а можно было и *не оправдать, потерять, выйти из доверия...*

«Работники культуры и искусства, которые не перестроятся и не смогут удовлетворить выросших потребностей народа, могут быстро *потерять доверие народа*». (*Жданов А. А.* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946.) Слушавшие этот текст советские люди производили мгновенную его перекодировку — «народ» превращался в партийное начальство, и оно-то уже явно угрожало «потерявшему» крупными неприятностями — вплоть до ареста, лагеря или пули в затылок.

А подлинный народ — не в те послевоенные очень тяжелые для людей, и вовсе не только из-за неизбежных физических лишений, годы, а после смерти Сталина, когда в самом воздухе времени сразу потянуло свежим ветром, — уже совсем не безмолвствовал, а сочинял, например, частушки.

И как только арестовали главного подручного Сталина по делам Гулага (это ему принадлежит речение: «Я тебя сотру в лагерную пыль!») и ясно стало, что грозит ему именно то, к чему сам он столько раз приговаривал тысячи людей, — запорхала по губам летом 1953 года частушка:

Берия, Берия
Вышел из доверия

И такая еще песенка:

Лаврентий Палыч Берия
не оправдал доверия...

В наше, постсоветское время это слово звучит иначе, к нему вернулось его *словарное* значение. Оно, пожалуй, видно в официальной мотивировке увольнения в отставку мэра Москвы Лужкова в октябре 2010 года — «в связи с *утратой доверия* президента». И все же у людей старших поколений невольно возникают дурные ассоциации с прошлым его употреблением...

И теперь — к рассказу Михаила Жванецкого, который не смог пройти мимо этого слова в далекие 1970-е годы. (О его отношении к советизмам — точнее, о неустанной и успешной с ними войне — мы расскажем впоследствии отдельно.)

Он пишет монолог полуграмотного советского чиновника, ведающего футболом, — игрой, которой тогда, как и вообще международным выступлениям спортсменов, придавали повышенное государственное значение.

«— Товарищи! Мы все собрались сегодня, чтобы почтить игроков в футбол, выбывающих за рубёж.

Товарищи игроки! *Народ вам доверил* игру в футбол. Почему *народ не доверил* игру в футбол врачам или писателям? Потому что интеллигенция такого *доверия* не выдерживает — у нее пенсне падает... Поэтому *народ это дело доверяет вам». (Какое-то напутствие из 70-х. Собрание сочинений, том 2. Семидесятые.)*

...Вообще любому выезду за рубеж придавалось особое, сакральное значение. (Юные читатели, кто пока еще не знает этого слова, — загляните в словари и узнайте это значение. Оно для понимания советской жизни очень важно.) Поездки считались особым знаком отличия, доверия (!) и обставлялись тайнами. До последнего дня человек часто не знал — так едет он или нет?.. А если вдруг узнавал, что не едет, — никто и никогда не объяснял ему — почему?!

Эта непременная завеса тайн надо всем, что было связано с пересечением границы, передана Жванецким смешно, гротескно, но по сути-то почти без преувеличения, хотя в это и очень трудно поверить сегодняшнему юному читателю.

Итак, продолжим напутствие чиновника футболистам.

«Народ вас одевает, обувает, кормит, поит, стрижет. Вам остаются пустяки — выиграть все игры... Нам нужна победа. Ничья нам не нужна. Я уже не говорю о поражении, которое мы не потерпим.

Запомните памятку игрока, *выбывающего за рубёж.* Прежде всего — ничего, никто, нигде, ни о чем. Ни пипсни! Это спорт, это игра. Здесь главное — престиж и тайна! До последнего момента мы не должны знать, кто поедет. Те, кто выехали, пусть думают, что они остались, а те, кто остались, пусть думают, что хотят. Из тех, которые все-таки выехали, никто не должен знать, кто выйдет на поле. Из тех, кто выйдет, никто не должен знать, кто будет играть. Из тех, кто будет играть, никто не должен знать, с кем будет играть».

А дальше — кульминация. Торжественная песнь бюрократа, «отвечающего» за футбол, при этом, как было принято в те годы, ничего в нем не понимающего, но зато имеющего доверие власти по части политической подготовки и бдительности.

«...Перед тем, как дать пас, сядь, подумай, кому ты даешь мяч. В чьи руки пойдет народное добро? Куда он смотрит? Какие у него взгляды? Готов ли он к твоему мячу? Перед тем, как ударить по воротам, сядь, подумай, а вдруг — мимо. Что скажут твои товарищи из вышестоящих инстанций? Ка кой вой подыметь белоэмигрантское *охвостье.* И помни: если народ поставил тебя левым крайним, люби свой край! Береги свой край! Наш край врагу не отдадим!»

3.

В высшей степени правдиво говорит Жванецкий о той самой советской жизни, о которой сегодня многие, как заправские сказочники, любят рассказывать сказки, — например, о том, как чуть ли не все могли получить отдельную квартиру... (Как люди ухитряются совершенно забыть, что множество людей продолжало жить в «коммуналках» и что это была за жизнь?..)

Он рассказывает обо всем этом предельно правдиво — и именно из-за такой детальности правды тем, кто родился в 1990-е годы и этого специфически советского быта практически не застал, его описание должно казаться веселым гротеском. «Здорово придумал!» — говорят они, наверное.

Вот крохотная новелла про старичка, который ходил в общий туалет со своим ведром (по-видимому, слив там работал с большими перебоями) и включал свой, установленный в его

комнате выключатель (чтобы не платить за свет за тех, кто проводит в общем туалете много времени, а только за себя; счетчик, по-видимому, старичок тоже установил отдельный: в коммуналке моего детства тоже так было). Читая, надо иметь в виду, что в длинный коридор коммунальной квартиры могло выходить пять, шесть, семь, а также десять и больше комнат. А кухня, ванная комната, туалет — это все было в одном экземпляре...

«Дед собирается в туалет в конце коридора.

Включает у себя свой свет.

Берет ведро воды.

Пока доходит до туалета, там кто-то сидит.

Под его светом.

Дед не может этого выдержать.

Срочно бежит обратно с ведром воды.

За это время тот выходит.

Дед берет ведро воды.

Включает свой свет.

Идет в туалет, пока доходит, там кто-то сидит.

Дед хватает ведро, бежит обратно, выключает свой свет.

Идет в туалет без ведра.

Дежурит у дверей.

Оттуда выходят, он бежит обратно, хватает ведро, включает свой свет.

Бежит в туалет, там кто-то сидит.

Он бежит обратно, падает, выливает ведро, выключает свой свет. Идет в туалет.

Сидит без воды и в темноте».

(В коммуналке. Собрание сочинений, том 4. Девяностые.)

Это — о тех, кто дожили в своих коммуналках до самых девяностых.

Но главная тема того тома его пятитомного собрания сочинений, который называется «Семидесятые», — это, пожалуй, *еда*. О ее месте в ту самую брежневскую эпоху (напомним ее хронологические рамки: 1964–1982), особенно же — в последнее ее десятилетие, про которое многие пожилые люди сегодня, повторю, повадились говорить: «У нас всё было!» Когда именно что ничего не было.

И Жванецкий прорезал резцом сатирика подлинные, нестираемые черты той эпохи.

«И что смешно — министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит.

И что интересно — мясная и молочная промышленность есть, мы ее видим и запах чувствуем. И что самое интересное — продукции выпускаем в пять раз больше, чем в 40-м году.

И что очень важно — действительно расширен ассортимент.

И в общем в очень удобной упаковке.

Все это действительно существует, что бы там ни говорили.

Просто, чтобы это увидеть, надо попасть к ним внутрь.

Они внутри, видимо, все это производят и, видимо, там же все это и потребляют, благодаря руководство за заботу и ассортимент.

У них объем продукции возрастает, значит, и возрастает потребление — ими же…

И нам всем, стоящим тут же за забором, остается поздравить их во главе с министром, пожелать дальнейших успехов им, их семьям и спросить, не нужны ли им юмористы, буквально три человека». *(Их день. Собрание сочинений, том 2. Семидесятые.)*

Еще один рассказ этих лет — «На складе». Опять о пище, но также и о продукции легкой промышленности, в те годы еще более недоступной человеку, не приближенному к партийным властям.

«Главная мечта нашего человека — попасть на склад. Внутрь базы. В середину».

...Как и сказано в предыдущем рассказе: «надо попасть к ним внутрь». К кому «к ним» — всем было ясно: Жванецкий и его слушатели, современники и соотечественники, понимали друг друга с полуслова. Слушатели заранее послушно ложились от смеха.

Мы процитируем фрагменты, но читать рассказ надо обязательно весь. Он — длинный, но весь состоит из простейших и кратчайших реплик: диалог того, кто ведает складом, и посетителя:

«— Шапки.

— Одна.

— Да. Две.

— Дальше.

— И еще одна.

— Три. Дальше.

— Пишите четвертую.

— Так. Обувь?»

И нигде не падает читательское напряжение! Важнейшее свойство литературы.

Ну, не будем скрывать — кое-какое представление об описываемом времени для этого иметь надо. Но ведь если ни слова не знать о войне 1812 года, то и «Войну и мир», пожалуй, не понять: какие-то французы посреди зимней Москвы почему-то костры жгут...

Продолжим цитировать обещанные фрагменты

«— А что у вас из продуктов питания?

— Что вас интересует?

— Меня интересует, ну поесть что-нибудь. Вот, например, ну хотя бы, допустим, колбаса.

— Батон?

— Два. А хорошая?

— Два.

— Три. А какая?»

А как герой рассказа вообще-то попал на этот склад?

Сам он об этом говорит так: «Мне сказали: в порядке исключения для поощрения».

...Так пожилая тетушка одного моего знакомого спорила с ним о брежневском времени: «И не говори! Все у нас было! К нам на завод каждую осень сапоги привозили! И мы покупали...» — «Тетя Оля! — проникновенно говорил мой знакомый. — Сапоги не на заводе, а в магазине покупать надо — вот как сейчас. Понимаешь ты это?» Но нет, тетя Оля не понимала.

...Рассказ идет к концу. Очумелый от невиданный роскоши: разные колбасы, свежая рыба, шапки (напомню тоже очень смешной рассказ Войновича «Шапка», в центре которого — жгучее и почти неисполнимое желание героя заиметь хорошую шапку) — все то, чего в *семидесятые* ни за какие деньги (!) не достанешь, даже отстояв любую очередь, — безымянный (а имени и не надо — один из десятков миллионов советских людей!) герой рассказа уже и не знает, по какому же из семейных или дружеских адресов эту роскошь отправлять.

«— Все! (*Лязгает железом*). Сами повезете заказ?

— А что, вы можете?

— Адрес?

— Все положите? Может, я помогу?

— Куда везти?

— На Чехова…то есть на Толбухина. А в другой город можете?

— Адрес?

— Нет, лучше ко мне. Хотя там сейчас… Давай на Красноярскую. Нет, тоже вцепятся. Давай к Жорке. Хотя это сука. А ночью можно?»

И просит боевое орудие для сопровождения и при нем — двух солдат.

Замечателен конец:

«— Мне до вокзала. Там — на платформу, сам охраняю, и — на Север.

— Ты же здесь живешь.

— Теперь я уже не смогу. Не дадут. Плохо — живи. А хорошо… Не дадут». (*На складе. Собрание сочинений, том 2. Семидесятые.)*

4.

Вот еще семидесятые годы. Впрочем — это могло бы относиться к любым годам.

«Что такое фальшь? Это ложь об отношении к чему-то. “Я рад…”, “Вы гений…”, “Я с огромным удовольствием…”

Фальшь нельзя проверить, нельзя обратить на нее внимание судьи, друзей. Фальшь можно только почувствовать. Она вызывает бешенство, непонятное окружающим. Все, в том числе тот, кто сфальшивил, говорят: «Ну, псих!». *(Собрание сочинений, том 2. Семидесятые.)*

А теперь — о времени Перестройки.

В трогательном письме, которое Жванецкий пишет покойному отцу, стремясь рассказать о том, что тот не успел увидеть, — замечательное описание начала распада Советского Союза. Это — осень 1991 года. Смешно (но сквозь смех явно пробивается слеза) и точно:

«…Мы сейчас все разбились по республикам. Все выставили таможни. Потому что в одной республике нет мяса, в другой нет рыбы, в третьей нет хлеба. И мы хотим знать, где чего нет, и хотим это положение закрепить».

Дальше замечательное (смешное, но, по-моему, не обидное) описание так называемого «национального вопроса» на этом, самом первоначальном этапе:

«Теперь кто в какой народ попал, тот там и сидит. Назначили туркменом — так уж будь здоров. И кто в какой строй попал, там и сидит. Кто вообще в капитализм, а кто в первобытнообщинный. Все с трудом говорят на родном языке…»

В легкой форме, но при этом без упрощения зафиксированы серьезные, сложные обстоятельства.

А вот описание самого начала 90-х годов. Здесь уже не до смеха.

«Что же такое происходит с нашими людьми? Что же они так дружно собираются на митинги и, страстно перебивая друг друга, кричат:

— Не хотим хорошо жить! Никто не заставит нас хорошо жить! Не подсовывайте нам собственность! Хотим жить без имущества и работать без зарплаты! Пусть за всю жизнь мы накопили шестнадцать рублей и детям ничего не завещаем, кроме рецептов, мы отстаиваем свой гибельный путь и рвем каждого, кто хочет выставить нас из капкана!

— Не трожь! — И лижем стальные прутья. — Не подходи, не лечи! Оставь как было! Нам нравится как было, когда ничего не было, ибо что-то было. Нас куда-то вели. Мы помним. Мы были в форме. Мы входили в другие страны. Нас боялись. Мы помним. Нас кто-то кормил. Не досыта, но как раз, чтобы мы входили в другие страны. Мы помним. Нас кто-то одевал. Зябко, но как раз, чтоб нас боялись…

Наш способ!

Всего жалко, кроме жизни…

Умираем, но не отдаем. Ни цепь, ни миску, ни государственную собачью будку!

Это наш путь! И мы на нем лежим, рыча и завывая, в стороне от всего человечества». *(Наш спор. Собрание сочинений, том 4. Девяностые.)*

И вот уже этих *наших людей* перетащили все-таки с тупикового пути на другой — трудный, но во всяком случае исторический, куда-то действительно ведущий.

Острым, цепким взглядом наблюдает Жванецкий соотечественников в совсем новой для них ситуации. Ну и как?..

«Наши люди.

Они на свободу не потянут. Они нарушать любят.

Ты ему запрети все, чтобы он нарушал. Это он понимает».

И — пояснение.

«Наша свобода — это то, что мы делаем, когда никто не видит.

Стены лифтов, туалеты вокзалов, колеса чужих машин.

Это и есть наша свобода.

Нам руки впереди мешают. Руки сзади — другое дело.

И команды не впереди, а сзади, то есть не зовут, а посылают.

Это совсем другое дело.

Можно глаза закрыть и подчиниться — левое плечо вперед, марш, стоп, отдыхать!»

И тут же — разъяснение разницы между диктатурой и демократией:

«То, что при демократии печатается, при диктатуре говорится.

…При диктатуре больше балета и анекдотов, при демократии — поездок и ограблений.

…При диктатуре могут прибить сверху, при демократии — снизу.

…Сказать, что при диктатуре милиция нас защищает, будет некоторым преувеличением. Она нас охраняет. Особенно в местах заключения». *(Вперед назад. Собрание сочинений, том 4. Девяностые.)*

И, как говорят, с хорошей завистью — о гражданах других стран:

«С детства они не чувствуют государства, а любят страну. Рискуя тавтологией, скажу: уж больно наоборот у нас, уж очень больно наоборот. Страну, что мы любили, заменило государство, его невозможно любить, как бы ты не изворачивался. Нас пугают родиной с какими-то длинными руками, цепкими пальцами, которая тебя достанет, где бы ты ни был. Там любят не родину и не государство, там любят свою страну, и на себе носят ее флаг, и поют ее гимн у костра…» *(Не здесь и здесь. Собрание сочинений, том 4. Девяностые.)*

Конечно, это — по большей части о советском времени. Но явление это, как скользкое пресмыкающееся, переползло постепенно и в новое, постсоветское время.

5.

И напоследок — о том, что нынче мы называем *толерантностью.* Стремимся учить этому не только со школы, а даже с детского сада, но не очень-то преуспеваем.

А я предлагаю родителям, воспитательницам и учителям начать вот с этого рассказа Жванецкого. И раз в два-три года заново к нему возвращаться. И вот увидите — мы изменимся к лучшему.

«Чувство национального выбора тонкая вещь. Почему комары не вызывают отвращения, а тараканы вызывают? Хотя комары налетают, пьют самое дорогое, а тараканы просто противные. Противные, отвратные, и всё.

Куда бы они не побежали, откуда бы не выбежали, все с криком за ними. А комары… Хорошо, чтобы не было. Но если есть, ну пусть, ну что делать, в обществе все должны быть. Кроме тараканов, конечно.

Тигров любим, шакалов нет. Хотя тигр подкрадется, набросится, разорвет не то что одного, а целое КБ». КБ — так сокращали в советское время (не заметила, как сейчас) «конструкторское бюро», которое было при каждом почти предприятии.

Продолжим цитировать замечательное рассуждение Жванецкого. «А шакал? Кто слышал, чтоб кого-то разорвал шакал? За что мы его ненавидим? Противный. Да. А тот красавец полосатый — убийца, это доказано. И еще на территорию претендует. Ничего, пусть будет среди нас. А шакалов гнать».

«Где логика?» — вопрошает нас всех Жванецкий. Резонно, правильно, по делу вопрошает.

И продолжает спрашивать — очень даже, как выражаются сегодня, «в тему»:

«Шакал разве виноват? В своем обществе он разве противный? Он такой, как все. Это когда он попадает в другое общество, там он кажется противным».

Ах, какие же умные, точные суждения!..

«…Но если мама смотрит на себя в зеркало или на своих детей, разве они ей кажутся противными, как нам? Или она себе в молодости казалась ужасной? С горбом, клыками, какая есть на самом деле. Да нет. Нормальная».

А вот и о том, как *другие* (хотя бы и шакалы) смотрят на нас самих:

«Им тоже противно, что мы торчим вертикально, шерсть носим только на голове. А вместо клыков протезы. И подкрасться толком ни к кому не можем. А падаль едим так же, как они, и еще ее варим для чего-то. А очки? А животы? Мы очень противные в обществе шакалов. Я уж не говорю о том, что разговор не сумеем поддержать».

И под конец — вывод. Целиком в духе Жванецкого — не крикливый, совершенно спокойный, но пронзительный по своей этической насыщенности:

«У всех есть и нежность, и любовь, и страдания.

Так что в национальном вопросе нужно быть очень осторожным». *(Этнические конфликты. Собрание сочинений, том 4. Девяностые.)*

По дороге:

Борис Бим-Бад

как на самом деле происходит воспитание чувств

Не уходи! В самые первые дни более или менее отчетливого своего сознания я вижу себя плачущим и просящим маму: «Не уходи!». В ответ мама, собираясь на работу, пела (сочувственно, не дразня меня): «Не уходи. Побудь со мной еще минутку. Не уходи. Мне без тебя так будет жутко. И буду плакать я и дни и ночи...». Разумеется, я ревел еще громче. Поцеловав меня на прощанье, мама все же уходила. Она не занималась моим эстетическим воспитанием. Она просто собиралась на работу и думала, что песня успокоит рёвушку-коровушку.

С тех пор минула почти вечность, и я теперь знаю, что мама несколько изменяла слова Петра Лещенко, но мне больше нравится ее вариант. Помню не только слова — и интонации, и манеру, и обстановку, и всё, и всё. И до сего дня воспринимаю ситуацию расставания как чистую трагедию — без малейшей примеси иронии. Как и другой романс, «Не уходи, побудь со мною», где присутствует чувственность («Я поцелуями покрою.../ Тебя я лаской огневою и обожгу, и утомлю»), которой я не замечаю. Мне слышится только мольба: «Побудь со мной, побудь со мной!».

Совместность бытия как ценность, присутствие любимого человека как великое благо — эти идеи (даже не идеи, а чувства) вкоренились в мое существо. По мере моего взросления мамино пение себе под нос только подливало масла в этот огонь. Переделывая на свой лад Александра Вертинского, мама частенько напевала:

Кто выдумал все эти «надо», «не надо»,
Надо только любить и беречь
Эту ласковость слов, эту ласковость взгляда
И платок, ниспадающий с плеч.

Ведь расчерчены дни, лишь минуты бескрайни,
Ведь живут так недолго цветы.
Наши встречи — мгновенья, наши встречи случайны,
Но я жду их, люблю их, а ты?..

Дети слушают не то, что им говорят, а то, что взрослые говорят между собой или то, о чем они *проговариваются*, успокаивая или радуя себя пением (а это действует на ребенка еще сильнее).

Лучинушка *и славянский фольклор вообще.* Во время Великой войны к нам домой приходили отмечать Новый год родственники. Хорошо помню почему-то, что они приносили с собой кружки и сухари: празднование устраивали в складчину, а посуды на всех у нас дома тоже не было.

После нескольких чашек чаю просили Леночку, сестру моей бабушки, профессиональную исполнительницу народных песен, усладить слух собравшихся ее коронной, любимой ее «Лучинушкой». Не сразу Леночка соглашалась. Может быть, ей требовалось некоторое время, чтобы погрузиться в настрой песенной «ситуации». Прикрыв глаза, она заводила:

Что же ты, моя лучинушка, не ясно горишь,
Что же ты не ясно горишь, не вспыхиваешь?

Али ты, моя лучинушка, в печи не была,
Али ты, моя березовая, слезами полита?

Я начинал догадываться, что лучина (у нас дома стояла дровяная печь) не горит потому, что на нее незаметно нападали чьи-то соленые слезы. Возможно, нашей соседки, доченька которой недавно умерла от сердца, а может — дальней соседки: сын ее пропал на войне...

Когда в школе нас стали знакомить с устным народным творчеством, я легко принял образы любви и страдания в «Ах, кабы на цветы да не морозы» и даже только страдания в «Не шуми, мати зеленая дубровушка». Отсюда — шаг к Пушкину (*Капитанская дочка*) и А. К. Толстому (*Князь Серебряный*), узнаваемым, понятным, дорого ценимым.

Постепенно я проникался уверенностью в трагизме бытия, а страдание настолько превратилось для меня в непременное качество бытия, что, стоя перед афишей Большого театра и мечтая попасть на «Царскую невесту» или «Пиковую даму», я думал: «Вот бы настрадался!». Это означало для меня насладиться, упиться состраданием, *над вымыслом облиться слезами*.

Украинская песенная стихия, в которой выросли бабушка и мама, мощно укрепила меня в правильности такого мировосприятия. Они весьма жаловали народную украинскую песню на слова Владимира Степановича Александрова про разлитую в природе и мире несправедливость, а также про равнодушие солнца:

Я бачив, як вітер берізку зломив,
Коріння порушив, гілля покрутив...
А листя не в'яло і свіже було,
Аж поки за гору вже сонце зайшло.

Я бачив, як серну підстрелив стрілець,
Звалилася бідна, прийшов їй кінець.
Боротись зі смертю було їй не вміч,
Одначе боролась, поки зайшла ніч.

Я бачив — метелик поранений млів,
Крильце перебите на сонечку грів.
Пожити ще трошки на думці було
І, може, пожив би — та сонце зайшло.

Другая украинская народная песня из репертуара бабушки и мамы была не трагичной, но вербы в ней склонились над водой, как будто бы плачут, а молодость решила никогда не возвращаться ни к маме, ни к бабушке:

Стоїть гора високая,
Попід горою гай,
Зелений гай, густесенький,
Неначе справді рай.

Під гаєм в'ється річенька,
Як скло, вода блищить, блищить,
Долиною зеленою
Кудись вона біжить?

Край берега, у затишку,
Прив'язані човни, човни,
Там три верби схилилися,
Мов журяться вони.
...
До тебе, люба річенько,
Ще вернеться весна, весна.
А молодість не вернеться,
Не вернеться вона!

Здесь две темы особенным образом запечатлелись в моем беззащитном сознании, о чем родители не могли и подозревать, — тема плакучей ивы и совсем неожиданная тема одинаковости людей всех времен и народов. Не то чтобы совсем тождества, а равенства в страдальческой любви разлученных сердец и в безвозвратной молодости.

Первая открыла мне дорогу к романсу барона Василия фон Врангеля «Дремлют плакучие ивы»:

Дремлют плакучие ивы
Низко склонясь над ручьем,
Струйки бегут торопливо,
Шепчут во мраке ночном.
Шепчут, всё шепчут, во мраке ночном.

Думы о прошлом далеком
Мне навевают они,
Сердцем больным, одиноким
Рвусь я в те прежние дни.
Рвусь я, всё рвусь я, в те прежние дни.

Где ты, голубка родная,
Помнишь ли ты обо мне,
Так же как я, изнывая,
Плачешь в ночной тишине?
Плачешь, всё плачешь, в ночной тишине?

Вторая тема легла в основу моей антропологической теории об одновременно единой и многообразной природе (сущности) человека. Много об этом думал и писал.

Кроме того, для меня очевидно, что украинские песни подготовили меня к радостной и понимающей встрече со стихами Тараса Григорьевича Шевченко, которые нашлись в школьной хрестоматии «Родное слово». Его «Завещание» давалось и в подлиннике, и в русском переводе, что помогло мне ощутить неповторимое звучание его мелоса.

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
Додолу верби гне високі,
Горами хвилю підійма.
...
І блідий місяць на ту пору
З-за хмари де-де виглядав,
Неначе човен в синім морі
То виринав, то потопав.

«Кобзарь» Шевченко стал постепенно моей личной «библией» и естественно связал меня с украинской литературой и философией (Сковорода, Потебня).

Папа. Дни нашей жизни. Казалось бы, папа вспоминал об этой популярнейшей студенческой песне XIX века строго по ее назначению, то есть в застолье: искони она называлась «Вино» (сочинил ее студент-медик Андрей Сребрянский), и пафос ее в оправдании и даже в прославлении выпивок. В этой песне попойки дедуктивно выводятся из смертности человека. Судите сами:

Быстры, как волны,
Дни нашей жизни, —
Что час, то к могиле
Короче наш путь...
Налей же, товарищ,
Заздравную чашу,
Бог знает, что с нами
Случится впереди.

Умрешь — похоронят,
Как не жил на свете.
Уж снова не встанешь
К веселью друзей.
Налей же, товарищ,
Заздравную чашу,
Бог знает, что с нами
Случится впереди.

С вином мы родились,
С вином мы умрем,
С вином похоронят
И с пьяным дьячком.
Налей же, товарищ,
Заздравную чашу,
Бог знает, что с нами
Случится впереди.

Пока же мы живы,
Так будем тянуть
Стакан за стаканом,
Чтоб крепче заснуть.
Налей же, товарищ,
Заздравную чашу,
Бог знает, что с нами
Случится впереди.

Но в папиных интонациях мне слышалась не питейная тема, а скорбь по уходящим, точнее — ускользающим дням нашей жизни, быстрым, как волны. Вино сопровождает бытие, но не заменяет его и не спасает от безвестного будущего. Просто мы живем в мире, где с вином рождаются и с вином умирают. Таковы правила игры, это — неизбежная неизбежность. А суть в том, что путь к могиле короче с каждым днем. Из могилы не встанешь, к друзьям не придешь, уж больше не повеселишься.

И еще на авансцену этой песни в папиной ее интерпретации выходило, что нельзя знать, когда с человеком случатся эти никуда не отпускающие похороны. Может, сейчас, а, может, после.

«Бог знает, что с нами случится впереди». Но и внезапная смерть не повод для печалей. В папиных интонациях я, как сейчас, слышу залихватски радостный звон ликующе праздничной заздравной чаши. Чаша-то — за здравие, а не за упокой. Товарищ, здравствуй и долго живи!

Больше я никогда ни от кого долго не слышал этой песни, но «Быстры, как волны» стали моим проводником к творчеству Леонида Николаевича Андреева. Дело в том, что уже после смерти папы, в 60-е годы, я увидел афишу о спектакле «Дни нашей жизни» по пьесе Леонида Андреева и немедленно побежал в театр. Подтвердилось: это та самая, *папина*, песня. Ее распевали на все голоса, то хором, то поврозь, и она торжествующе плыла над ликованиями и пропастями всех мизансцен, в которых воплощалась жизнь студентов начала XX века.

А потом были раздумья над рассказом Андреева «Мысль» и его очень точными описаниями детства.

Вот так: от любимой папиной песни — к *Серебряному веку*, к модернизму.

Папа. Малютка. Бреясь перед зеркалом (что делать, ведь мы жили в одной комнате на всех пятерых членов семьи и двух собак), папа мурлыкал старинную песенку о сироте и старушке:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

«Боже, — говорит малютка, —
Я прозяб и есть хочу.
Боже добрый, кто ж согреет
И накормит сироту?»

Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту,
Приютила и согрела,
И поесть дала ему...

Детское воображение живо достраивало картину чудесно-закономерного спасения малютки, и повесть о злоключениях сиротки легко ложилась на сердце подростка. Понятно мне, почему я оказался готов к восприятию в чуть более старшем возрасте «Неточки Незвановой» Достоевского, а потом и его «Унижённых и оскорблённых».

Взрослые *в моей, как и во всякой, семье* жили, страдая, преодолевали многие трудности и, сами не подозревая о том, по дороге наполняли души своих детей материями, сюжетами, темами и настроениями, короче — мироощущением и мироотношением. Исподволь родители изготавливают судьбу своих потомков.

Открыватели детства

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (в Галерее искусства стран Европы и Америки XIX–XX веков) проходит выставка «Детство. Отрочество. Юность».

Франсиско Гойя **Дети, надувающие бычий пузырь** 1778

Кларк и Пуньо (Кристоф Кларк и Виржини Пуньо) **В свете луны** 2000

Сто шестьдесят произведений из зарубежных и отечественных музеев представляют мир детства в изобразительном искусстве от Боттичелли до Кандинского. Один из залов посвящен творчеству художников XX века, для которых детский рисунок, мироощущение детей определяло поиски нового художественного языка. Обширный раздел экспозиции представляет детскую тему в фотографии.

Собираясь на эту выставку, я представила себе, что хотелось бы увидеть (детская тема в искусстве безразмерна). Прежде всего Веласкеса с его «Менинами». Там в центре полотна пятилетняя инфанта Маргарита. Вокруг нее ее маленький двор: фрейлины, карлики, любимая собака. Обыкновенная девочка с пухлыми щечками, одетая в платье, как у взрослых принцесс. Так одевать детей было принято. При этом совершеннейший ребенок, но смотрит серьезно. И эта серьезность не взрослого человека, а именно ребенка. Завораживающий взгляд, завораживающая картина... Кто только ее не копировал! Более сорока вариантов этого полотна сделал Пикассо. А тайна осталась. Веласкес, возможно, был первым, кто приблизился к пониманию феномена детства. Только в XX веке открыли этот феномен, признали, что мир ребенка самоценен, наделен возможностями, которые утрачиваются взрослым человеком.

Художники, иногда опережая, а иногда вслед за писателями, философами постигали тайны детской психологии, детского восприятия мира. Хотя, казалось бы, какая может быть тайна у детских портретов Гейнсборо или Ренуара? Никакой — одно сплошное очарование! Для этих художников дети — создатели того мира гармонии, чистой поэзии, мира осуществленной красоты, служителями которого они, художники, себя считали.

В истории искусства детская тема — одна из самых непростых и неразгаданных...

Как решили ее на нынешней выставке?

Обрадовало то, что участие в экспозиции согласились принять Лондонская национальная галерея, Картинная галерея Дрездена, Мадридский Национальный музей Прадо, Фонд князя Лихтенштейна в Вене и другие крупнейшие музеи мира, а

Людвиг Кнаус **Первый барыш** 1878

также и частные коллекционеры. Разумеется, и наши собрания участвуют. Значит, выставка представительна и масштабна. Однако шедевров великих мастеров немного. Это понятно. Некоторые из полотен никогда не покидают страну, путешествие же других требует затраты непомерных средств.

Не сразу удалось понять принцип развески картин. В силу ряда причин от хронологического

Франциско де Сурбаран **Младенец Христос** 1635–1640

принципа устроителям пришлось отказаться, и тема, заявленная в названии выставки, оказалась разбита на подтемы: «Место детей в истории», «Первые шаги», «Дети без детства», «Игры детей»... Сначала такая развеска удивила, потом взяла оторопь. Соседствуют рядом «Первые шаги» Венецианова, «Утро» Кустодиева, «Балованное дитя» Грёза, «Возвращение из города» Корзухина. Объединить художников разных эпох, стран, разных художественных школ для того, чтобы показать, как они изображают занятия детей или как дети бедняков зарабатывают себе на хлеб?.. Сравниваешь художников не по их мастерству, а по тому, как они тему отразили. А ведь для мастеров зачастую тема была только предлогом...

Мальчик с собакой 1830-е

Может быть, подобное упрощение имело смысл для показа выставки самым маленьким детям, которых в каникулы приведут в музей. Принято считать, что детям прежде всего интересен сюжет и тема. Но может ли нынешних детей заинтересовать сюжет Франсиско Гойи, изобразившего, как мальчики надувают бычий пузырь, или картина Федота Сычева — две деревенские девочки в лаптях и платочках прибежали на околицу и

стоят, смеются над прохожими (рубрика «Игры детей»)? Какие это игры, что в них интересного? В играх наши дети просвещены гораздо лучше Гойи или Сычева...

Наверное, имеет смысл, придя на выставку, постараться не обращать внимания на рубрики и смотреть живопись. Ходить и смотреть, пока что-то не остановит.

Вот в первом же зале остановил Ван-Дейк — «Дети короля Карла I» из Дрезденской галереи. Того самого Карла I, который был казнен во время Английской революции. Дети еще ничего не знают о своем будущем, как не знает о нем и художник. Он пишет обычный парадный портрет. В позах детей, особенно наследника престола, горделивость и благородство. Что поражает в портретах Ван-Дейка — отсутствие напускного, неестественного в этом выражении благородства. Вот оно — обаяние прирожденного аристократизма. Если вы хотите что-то понять в истинном аристократизме, надо смотреть Ван-Дейка.

Конечно, остановит Сурбаран и его «Младенец Христос» из собрания Государственного музея изобразительных искусств. Эта небольшая вещь, исполненная на дереве, возможно, часть алтарной композиции. Христос изображен мальчиком в рубище, он похож на нищего. В одной руке у него крест, другая обращена к людям. Но не с просьбой о помощи — с просьбой остановиться: взгляд Ребенка выражает сочувствие и непостижимую грусть. И да откроется вам Истина...

Мимо серовских «Детей» и серебряковской «Кати в голубом у елки» пробегаешь. Уж очень они известны, часто выставляются и репродуцируются. И возвращаешься. Нельзя не вернуться. На этой выставке они стоят в ряду других, и становится очевидным, что так, как изображал детей Валентин Серов, их, пожалуй, никто не изображал. Они у него живые, он знал о них всё, как будто сам в них перевоплощался. А Серебряковой и не нужно было перевоплощаться. Она носила в себе чистоту и свет детства, его грацию, его обаяние...

Франсуа де Труа **Портрет Аделаиды Савойской** 1697

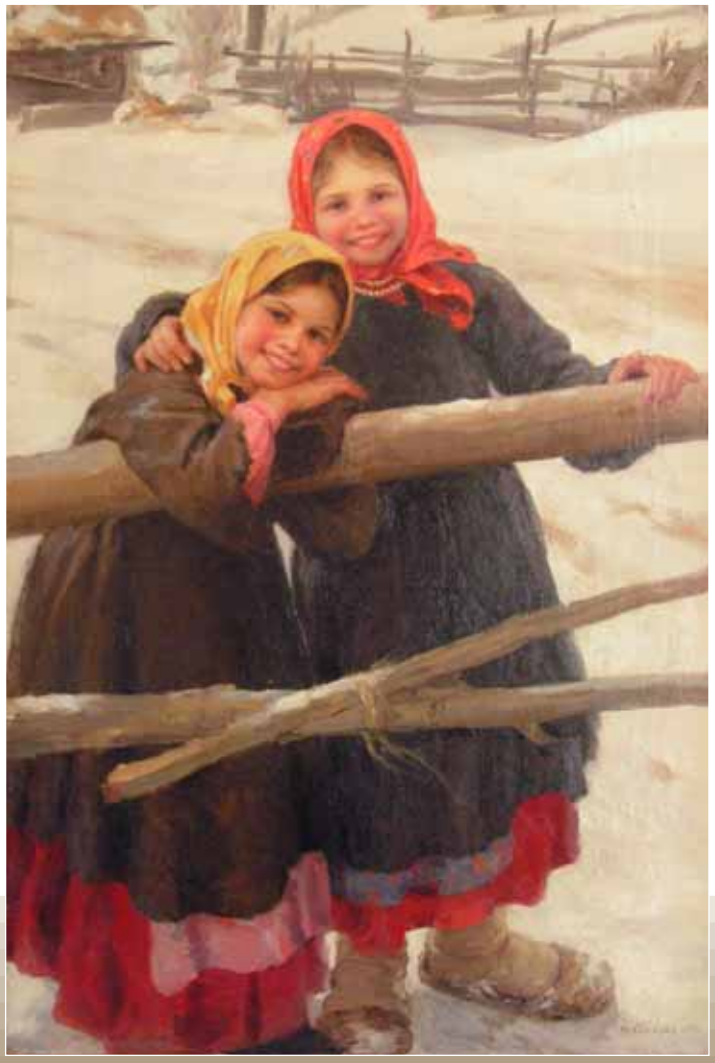
Джули Блэкмон **Подброшенный младенец** 2009

Франсуа Венсан **Портрет юноши с папкой для рисунков в руках** 1791

Валентин Серов **Дети** 1899

Ахим Липпот
Футбол
2006

Пер Хиллестрем Старший
Перевязка пальца
Около 1781



Федот Сычков
Подружки
1909

Слева вверху:
Владимир Клавихо-Телепнев
Алиса в стране чудес

Конечно, интересен зал мастеров авангарда XX века, учившихся у детей, стремившихся найти в детском творчестве возможности для развития своего художественного языка: достаточно назвать таких художников, как Пауль Клее, Шагал, Жоан Миро. В детских примитивах они видели отражение общей картины мира, которая была утрачена великими художниками прошлого, постигавшими частное.

На самом верхнем этаже музея — детская тема в фотографии. Сразу привлекают уникальные фотографии Льюиса Кэрролла (1860 год), автора «Алисы в стране чудес», которые предоставил Национальный музей Брэдфорда. На них мы видим Эллис Плезенс Лидделл, ставшую прототипом героини, в кругу семьи. Рядом работы современного фотохудожника Владимира Клавихо-Телепнева, стилизовавшего фотографии Кэрролла.

Очень интересны постановочные фотографии Кларка Пуньо, Джулии Блэкмон и других. Понимаешь, что возможности постижения тайны детства и всей картины детского мира в фотографии безграничны.

Л. Осипова

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

Публикацию подготовила А. Раскина.

Продолжение. Начало в № 8–12 за 2010 год

Гале Кулаковской 9 лет 4 месяца,
Саше Раскиной 4 года 2 с половиной месяца.

4 августа 46.

Саша прислушивается к моему разговору с Верой. Верочка рассказывает, как Женя поссорилась с Котей, как Котя, сказав: «Не провожайте, сам дойду», ушел. Саша слушает внимательно и когда Верочка кончает, спрашивает:

— А кот был ваш?

Ей и в голову не пришло, что Котя — это мальчик. Она решила, что это обыкновенный кот, и ничуть не удивилась, что он разговаривает. Ей только было любопытно узнать — чей он?

12 августа 46.

Саша добросовестно отчитывается перед соседями:

— Что делает папа? — спрашивают ее.

— Стоит! — отвечает она правдиво.

— Где?

— На полу.

*

Вчера один из гостей долго улещивал Сашу, уговаривал стать его дочкой. Чего он ей только ни обещал — и шоколад размером в метр, и тьму игрушек, и двух братцев. Но она осталась непреклонна: «Какие родители у меня родились, с тоими я и останусь».

*

Я уже писала об этом: не терпит в сказках ничего печального, ничего грустного. «Ну вот, — говорит она с тревогой, — теперь ты начнешь рассказывать, как старушку съели волки, или как мальчик попал под трамвай. Очень тебя прошу: не говори зло, не говори обидно, не говори плохо. Не надо, чтоб мальчик попал под трамвай».

*

Соня рассказывала Саше сказку:

— И говорит солнце тучам: «Уходите, тучи!..»

В Сашиной передаче это звучит так:

— И солнце говорит тучам: «Уходите, тучи, а то как дам!»

15 августа 46.

— Мама, я видела у Женички гру́дного ребенка, он плакал изо всех сил. Они купили его на рынке за три рубля.

20 августа 46.

Приехала из Ленинграда Галка. Накануне нам позвонили, что за неимением других попутчиков ее отправили с проводником. Когда поезд подходил, мы с Шурой отыскали шестой вагон, и идя (бежа?) рядом, спросили у проводницы:

— Едет тут девочка?

— Едет, едет.

— Одна?

— Нет, с каким-то гражданином.

Потом выскочила Галка — большая, румяная, с какими-то косичками. Чуть не сбила меня с ног, стала обнимать, целовать, причитая:

— Мамочка, миленькая, мамочка, миленькая!

И без всякого перехода:

— Я буду жить с тобой!

На вопрос: «С кем ты приехала?» ответила без запинки: «С молодым поэтом!»

Потом вышел молодой поэт, похвалил Галю за послушание во время дороги, мы его поблагодарили, распрощались и тут же поехали на дачу.

К дому Галя подошла одна — ей очень хотелось самой убедиться, узнает ли ее Саша. Подойдя к крыльцу, она подозвала Севу:

— Скажи, пожалуйста, Саше, что ее зовет какая-то чужая девочка.

Сева доложил, на крыльцо своей ленивой походкой вышла Саша, но, увидев Галю, с криком повисла у нее на шее и уже через минуту шептала ей на ухо: «Ты Севе дай конфетку, а Шуре не давай, он драчун и один раз засыпал мне глаза песком».

Галка привезла Саше — утерпела! — конфет и персиков. «Один, — призналась она, — я съела в вагоне, а остальные привезла тебе и Саше».

Галка стала гораздо спокойнее, хорошо играет с Сашей, заботится о ней; очень внимательна к своим нарядам и прическе; каждое утро дебатируется одна и та же проклятая проблема — как лучше: две косички с прямым пробором, одна косичка без пробора, или косой пробор с бантом? Опять же: что надеть — белую кофточку с серым сарафаном, красную кофточку с юбкой или украинский костюм?

Если с костюмом что-нибудь не ладится, Галя впадает в черную меланхолию, надувает губы и хмурится. Огорчение ее так глубоко и так искренне, что у меня нет сил посмеяться над ней.

«Я очень по тебе соскучилась», — говорит она мне по нескольку раз в день. А один раз пояснила:

— По тебе, по маме Соне, по папе Абе, по Сашке — одинаково. А потом по Шуре и по Фане.

В чемодане у нее я нашла чудесное платье, новый серый сарафан, белую батистовую блузку — всё дело рук Валентины Николаевны.

Первые три дня Галя звала меня: «Бабушка!».

*

Кто ведет себя с неслыханным похабством — это Сашка. Колотит детей, пристает ко всем. К няне Поле относится просто с издевкой; а когда Поля ругает ее, на Сашином лице — откровенная усмешка: и не подумайте, будто я стану вас слушаться!

Огорчают ее только мои выговоры, но и тут всё кончается ничем:

— Любишь! Любишь! — кричит Саша истерически.

— Нет, не люблю, потому что ты не слушаешься, замахнулась на тетю Полю, не хочешь мыть руки.

— Я больше не буду, а ты меня любишь, любишь, любишь! — продолжаются вопли.

А потом всё начинается снова.

За обедом часами сидит за супом, второе норовит схватить руками. Часто подозрительно осведомляется:

— А мне огурчика оставила? А мяса мне оставила? А мармелад мне не забыла оставить?

К тому же она склочница, сплетница и любит ябедничать:

— Тетя Рона, ваш Шура ругается! Галя, побей Севу, он отнял у меня игрушки! Мама, скажи Гале, что она ко мне пристает?

Но вообще она просто пухнет от гордости и всем хвастливо сообщает:

— Вы знаете мою сестричку Галочку? Она всех старше, у нее беленькие волосики, а глазки карие.

21 августа 46.

Саша:

— Мама, мы играем, и Шурик *абсолютно* никого не обижает: ни меня, ни Севу, ни Галю, ни себя, — никого!

Она же:

— Мама, купи нам такого мальчика, как Шурик, только не такого грубого.

*

Саша:

— Чур, моя мама!

Минутное замешательство и потом Галкин вопль:

— А голова мамина — чур, моя!

*

Саша, о маленьких ножницах:

— Мам, эти ножницы — гру́дные?

25 августа 46.

Ника была случайной свидетельницей такого разговора:

Саша, детям:

— Я разрушу ваш домик!

Галя:

— Не смей, я скажу маме.

Саша:

— Тогда я скажу папе, что ты меня ударила!

Тогда вмешалась Ника, спросив у детей, ударяла ли Галя Сашу. Все хором сказали — нет. Тогда Саша со слезами стала повторять:

— Нет, ударила, нет, ударила! Я скажу папе, и он мне поверит. Он мне поверит, а не Гале.

Это очень серьезно, очень тревожно. Но как всегда — не знаю, что нужно сделать. Для серьезного разговора на эту тему Саша слишком глупа еще. Отшлепать — она не поймет, за что. Простой выговор («Нехорошо говорить неправду, никто не поверит девочке, если она говорит неправду») не произведет на нее никакого впечатления.

Сказать: «Прости меня, я больше никогда не буду!» ей ничего не стоит.

21 сентября 46.

Саша придумала новое слово. Она сказала:

— Мама, я не забуду того, что ты мне говоришь, я не такая *забудка,* как Галя.

*

Я, по телефону:

— Я выеду в четыре!

Саша, по обыкновению с воплем:

— Нет, нет, ты не в четыре, а в пять поедешь!

Галя, иронически:

— Ребенок, знавший арифметику...

В этом замечании усматриваю тлетворное влияние Шуриного остроумия.

*

Саша:

— Мама, ты что, не слышишь? У тебя что, уш нету?

22 сентября 46.

Галя ходит в новую школу. Попала к молодой учительнице. Как остроумно заметил С. А. Гуревич [1], с точки зрения журналистской это хорошо, с точки зрения материнской — очень плохо.

Неопытная. Ребята едва научились узнавать подлежащее и сказуемое, а она уже требует, чтобы они находили сказуемое в безличном предложении, сказуемое, выраженное прилагательным, наречием и т. д.

Бестактная. Я послала ей записку, в которой просила посадить Галю ближе к доске, так как у нее после кори было осложнение на ухо, и она не совсем хорошо слышит. Прочитав записку, учительница сказала Гале: «Пусть мать принесет справку от врача».

Не знаю, как там с педагогической точки зрения, но, по-моему, нельзя давать ребенку понять, что не веришь его матери.

Саша и Сева.

Потом: учительница все время требовала, чтобы Гале сшили коричневую форму. Пришлось покориться. Мама Соня купила коричневой шерсти и сама сшила чудесное платье. Галя полетела в школу как на крыльях, гордая и счастливая. Вернувшись смущенная, сказала:

— Чудна́я у нас Ирина Николаевна. Сама велела шить форму, а сама не радуется.

*

На днях было так:

— Шура, — сказала, я подхалимским голосом: — Мне очень хочется сегодня встретиться с Юшей, она здесь проездом. Я уйду часа на полтора.

— Ни в коем случае! — воскликнул Шура, так как Саша чувствовала себя не совсем хорошо.

— Очень тебя прошу, — продолжала я. — Там меня ждут, я обещала, я просила папу Абу побыть с детьми. Очень тебя прошу.

Секунду мы препирались — очень мягко, без воплей. И вдруг видим, лицо у Гали исказилось, и она начала плакать:

— Я хочу, — объяснила она мне потом сквозь слезы, — чтобы Шура тебя отпускал и чтобы ты ходила куда хочешь.

А Саша, услышав, что я ухожу, завопила:

— Нет, нет, не уходи! Не уходи! Завтра пойдешь, сегодня не ходи!

Таково соотношение сил в нашем семействе.

*

Саша, играя, говорит сама с собой:

— Здравствуйте, Петр Иванович! Как ваше желание? Живание? Как вы живете? Как ваши дети?

*

Я обращаюсь с детьми несдержанно, много кричу, сержусь из-за пустяков. Сашку — ту даже шлепаю. Самую малость, правда.

*

Саша стоит на кончике кровати.

— Упадешь! — предостерегаю я трижды.

— Не упаду! — отвечает она и, конечно, падает. Видимо, ушиблась не очень — не плачет.

Я говорю:

— Так тебе и надо!

Тогда Саша начинает судорожно рыдать, забивается в угол кровати и, когда я подхожу к ней, плача, говорит:

— Нет, нет, уходи, ты меня не пожалела, ты меня не пожалела — уходи.

*

Саша:

— До свиданья, счастливо, пока, всего хорошего! Передайте привет тому, к кому идете!

*

Саша:

— Какое странное говорение!

*

— Мама, это было давно? *Лет назад*?

*

Галя читает «Детство Никиты».

*

Саша раскладывает кубики и поет: «Тихо — окаянский флот!»

24 сентября 46.

Сегодня утром Галя нипочем не хотела вставать, хотя вчера легла рано. Я долго не могла добиться — в чем дело. Наконец Галя объяснила. Вчера учительница, увидев у нее в руках линейку, заподозрила ее в том, что она делала домашнее задание в классе (подчеркивала подлежащее и сказуемое). Галя объяснила, что вынула линейку по просьбе соседки. Ирина Николаевна не поверила и сказала:

— Девочки, кто видел, как Кулаковская подчеркивала в классе?

Какая-то девица подняла руку, и учительница поставила Гале в журнале двойку.

Галя, конечно, сказала правду: я видела, как она делала уроки и как подчеркивала эти злополучные подлежащие. Да если бы и не видела, поверила бы: что-что, а врать она не врет.

28 сентября 46.

Саша:

— Мама, наше масло русское [2], значит, оно воевает с немцами?

29 сентября 46.

Саше часто — в трамвае, на бульваре — задают один и тот же вопрос: «Почему у тебя глазки такие черные? Они у тебя грязные, ты их не моешь?»

До сих пор Саша силилась как-то оправдаться: «Нет, — говорила она, — я моюсь, я купаюсь, я их с мылом мою!» — и ссылалась на меня: вот, мол, она может подтвердить.

Сегодня я имела удовольствие слышать, как Саша энергично парировала попытки посмеяться над ней и ее чернотой.

Место действия — Патриаршие пруды. Лавочка.

Сосед по лавочке:

— Девочка, почему это ты такая черная?

Саша, независимо:

— Трубы чистила.

Посмеявшись, сосед продолжает:

— Нет, — говорит он, — наверное, не поэтому. Наверное, у тебя родители такие черные. Кто же у тебя черный — папа или мама?

Саша:

— Бабушка!

Сосед:

— Ты все шутишь, а ты мне правду скажи!

Саша:

— Отвечать больше не буду!

*

В Галином задачнике оказалась нерешимая задача, с ошибкой. Мы с Галей этого не знали, долго бились над ней и, наконец, отчаявшись, обратились к Шуре. Конечно, не решил и он. И теперь утверждает, что Галя дает ему решать задачки, которых не решил бы и Пифагор даже в самых лучших своих штанах.

4 октября 46.

Галя пришла из школы и, по обыкновению, села за уроки. Потом обратилась ко мне с просьбой помочь: надо выдумать задачу по данной в задачнике схеме.

— Ну, придумывай, — говорю.

— Я не знаю, не умею, — ноющим голосом отвечает Галя.

Я было взяла карандаш в руки и бойко стала выдумывать, но, к счастью, вовремя опомнилась:

— Нет, — говорю, — придумывай сама, а я буду только помогать.

Галя поныла, похныкала и вдруг вполне спокойно и убежденно сказала:

— Ты потому не стала выдумывать, что сама не знаешь, как нужно делать.

Тут я почувствовала сильнейший приступ бешенства и стала говорить (очень громко...) разные слова, и напомнила ей, что нет у меня привычки утверждать, будто я знаю и умею, если не знаю и не умею. Галя начала плакать, плакала долго, громко, ходила из угла в угол, я ходила тоже, только в другом направлении, и продолжала говорить всякое, в том числе была сказана даже и такая, в сущности, подлая фраза:

— И знаешь, езжай обратно на Сретенку. Там тебе будет легче, и уж, конечно, там за тебя станут выдумывать и решать задачки.

Галя заплакала еще громче, а потом сказала:

— Я больше не буду.

— Чего ты не будешь? Решать задачки не будешь?

Что-то похожее на улыбку, снова слезы и опять:

— Я больше не буду.

Потом мы одну задачу выдумали вместе, потом она выдумала задачу сама, потом я ушла, сказав, чтобы она решила примеры самостоятельно и, уж разумеется, чисто и правильно. Она горячо обещала сделать так, как я прошу. По всем педагогическим и журналистским законам она должна была выполнить уроки как следует, чтобы доставить мне удовольствие. Вернувшись, я увидела, что все это не так просто: в тетрадке было много помарок и два примера решены неправильно. Обидно...

11 октября 46.

Сегодня Галя вернулась из школы на полтора часа позднее обычного. Мы уже стали даже волноваться. И вот приходит Галя и рассказывает следующее:

— У нас случилась ужасная вещь. Обещай, что никому не расскажешь. Ужасно подлый случай. Понимаешь, недалеко от меня сидит девочка Моисеенко. У нее есть часы. И вот на первом уроке она смотрела на часы, чтоб узнать, сколько времени осталось до звонка. А на втором уроке Ирина Николаевна спрашивает у нее: «Моисеенко, который час?» Моисеенко смотрит и видит: часов нет! Стала искать: в парте, под партой, в портфеле — нет часов! Тогда Ирина Николаевна стала обыскивать портфели — и у меня посмотрели. Опять нет часов. Тогда Ирина Николаевна говорит: «Девочки, лучше сознайтесь! Тогда я ругать не стану, а если не сознаетесь, милиция все равно узнает, кто взял, и родителям придется оплатить штраф, и уж, конечно, их вышлют из Москвы, куда-нибудь далеко». Потом она пошла за Ольгой Сергеевной, директором, а девочкам велела сидеть на месте. А девочка, которая сидит с Моисеенко, взяла тряпку и вышла из класса. Приходит Ирина Николаевна с директором и спрашивает: «Где Обухова?» И вот входит Обухова. Ей говорят: «Ты зачем выходила, если велели сидеть на месте?» Она отвечает: «Я хотела намочить тряпку, чтобы стереть с доски». Зачем стирать с доски, если доска и так чистая? И теперь, конечно, все думают на Обухову. А Ольга Сергеевна сказала: «Лучше сознайтесь, а то сейчас придет из милиции ищейка и может загрызть ту, которая взяла часы». А потом нас отпустили, хотя Обухова и не призналась.

13 октября 46.

Саша разговаривает сама с собой:

— Самое страшное, когда воруют маленьких детей. Они маленькие и могут испугаться. И какая же мать согласится отдать своего родного ребенка?

*

Галка на воскресенье ездит на Сретенку. В прошлый раз она вернулась огорченная: рассердившись на нее, Вова назвал ее «гитлериха».

*

Саша утверждает, что мы жили в Мамонтовке на улице «Здоровый бык». (Поселок назывался «Здоровый быт».)

19 октября 46.

— Мама, я не как кукушкины дети, я тебе помогаю, да? — говорит Саша.

Разговаривает она очень чисто, но некоторые слова давно уже и упорно перевирает: разгудили (разбудили), светочек (цветочек), пугоровичка (пуговичка).

21 октября 46.

Саша:

— Мама, ведь правда — у каждого человека есть или дочка, или сын, или собачка. Правда? Правильно я говорю?

24 октября 46.

На днях было обнаружено, что Саша умеет читать. Я написала «Оля». Саша сказала: «О-л-я, а вместе Оля!»

Тогда я написала «Маша», «Нюра», «Галя» и другие имена. Она все исправно прочла, осилила даже такие имена, как «Наташа» и «Тамара». Каждый день умоляет:

— Пожалуйста, позаймись со мной азбукой.

Занятие это заключается в том, что я пишу легкие слова (лоб, суп и имена), а она читает. Иногда происходят конфузы. Так Саша прочла по буквам *Б-а-б-у-ш-к-а*...

— Ну а вместе?

Саша, подумав:

— А вместе *Петруша*.

26 октября 46.

Видя, что я собралась уходить, Саша спрашивает, вернее утверждает:

— А мне — слушаться тетю Нюру и не мешать Гале?!

Запись А. Б.

Это потому, что я всегда завещаю сие, уходя. Папа.

(А. Б.)

Саша:

— Мама, есть такие люди, которые никогда не умирают?

27 октября 46.

Я пишу. Галя читает. Шура заперся в своей комнате. Все заняты. Саша изнемогает: — Мама, — говорит она, — скука идет.

Послонявшись некоторое время по комнате, она говорит мне:

— Мама, перестань работать. Папа работает, вот ему и дадут за это денежки. Зачем же ты работаешь? Нам хватит папиных денег.

Я молчу, продолжая работать.

Отчаявшись, Саша направляется к Гале:

— Галочка, — произносит она умоляющим голосом, — позаймись со мной, пожалуйста.

28 октября 46.

Саша:

— Мама, попроси, чтоб нас превратили, чтоб мы не умирали. Очень не хочется умирать. Кто это может сделать?

— Никто не может.

— Ну, тогда попроси Сталина, он может. Ты знаешь, где он живет? В Кремле. Вот поезжай туда.

29 октября 46.

Обычно, готовя уроки, Галя обращается ко мне с разными вопросами, а иногда и злоупотребляет этим. На днях она пришла и, раскладывая учебники, заявила:

— Только ты мне, пожалуйста, ничем не помогай. Ирина Николаевна велела сделать домашнее задание на отдельном листочке и совершенно самостоятельно, это будет вроде контрольной.

Через полчаса я заглянула ей через плечо, она предостерегающе подняла руку, а когда я попыталась что-то сказать, снова повторила:

— Пожалуйста, ничего не говори, я ведь тебе объяснила, почему.

Мне было это очень приятно. Правдивая девочка.

В письме к бабушке Вале она писала: «С Сашей живем дружно, только иногда деремся».

5 ноября 46.

Я задаю Саше загадки:

— Что это такое: сто одежек, а все без застежек?

— Не знаю, — огорчается Саша.

— А два конца, два кольца, посередине гвоздик — это что такое?

Саша почти в отчаянии и требует реванша:

— Вот я тебе задам. Маленьких кубиков много, а больших нет совсем, — что это такое?

— ?!

Саша, торжествующе:

— Это — бедный человек!.. А что это такое: похоже на штучку, а все-таки не штучка?

Галя. Сентябрь 1946 года.

— ?!

— Это — почти штучка!

*

— Мама, кто главнее — Сталин или Чуковский? — спрашивает Саша.

6 ноября 46.

— Мам, смотри, я знаю уже 25 английских слов, я совсем как настоящая англичиха. Мама, спроси у меня, люблю ли я немцев, а я отвечу тебе «ноу» (no), спроси, люблю ли я Галю и я отвечу «ес» (yes)!

*

— Мама, отгадай загадку: живет не в аквариуме, а все-таки в реке, в водичке — кто это?

— Не знаю. Рыбки, может быть?

— Нет! Это РАК! (Торжествующе.)

В минуту может выдумать до 135 загадок. Очень радуется, что никто не в состоянии отгадать.

*

Галя ложится спать, я сижу за столом и работаю.

Я:

— Повернись к стенке.

Галя:

— Нет, я буду лежать и смотреть на тебя. Ты мне нравишься. Все-таки ты красивая. (!)

*

Галя уже несколько раз сообщала мне, что собирается стать писательницей.

7 ноября 46.

С утра Саша рвется на демонстрацию. Но на улице мокро, а калош у Саши нет.

*

Саша:

— Мама, я так люблю тебя, что ни за кого замуж не выйду, только за тебя.

*

Саша, возвращаясь с прогулки:

— Мама, я прочла на афише слово концерт. И Москва. И социализм.

*

Соня Фингер играет с Сашей и Галей «в школу».

— Саша Раскина, — говорит она педагогическим голосом. — Каких животных ты знаешь?

Саша, добросовестно, стараясь не пропустить ни одного из известных ей представителей фауны, отвечает:

— Козел... козленок... корова... лошадь... газели... А карусели — это тоже животное? [3]

15 ноября 46.

Итак, я, надеюсь, в последний раз, перевела Галю в новую, 175-ю (очень опасную) школу [4]. Весь переулок перед школой запружен машинами. Опасное место! Это скверно. Но я стараюсь об этом не думать. Самое важное — очень хороша учительница. Мягкая, ласковая, зовет девочек по именам. Галя уверяет меня, что она очень веселая и во время уроков много шутит. Это тоже приятно. Я это люблю.

Немолодое, но красивое лицо, красивого рисунка губы и совсем седые волосы. Я ее побаиваюсь, но она мне нравится. На днях зайду и порасспрошу насчет Галки, не отстала ли она?

21 ноября 46.

Вчера к нам приходил Корней Иванович. У Саши был испуганно счастливый вид, до сих пор она хоть и расспрашивала о Чуковском, но, кажется мне, не очень-то верила, что он существует. Поэтому вчера она дотрагивалась до него осторожно, а смотрела почти набожно и взобраться на колени осмелилась только под конец. Напоследок она совсем распоясалась и даже задавала Корнею Ивановичу загадки:

— Что это такое: зимой и летом — одним цветом?

— Платье, — деликатно говорит Корней Иванович.

Хохот, визг, восторг — Галка радуется не меньше, чем Саша.

— Занавеска? — спрашивает Корней Иванович.

— Ничего вы не догадались!! А вот догадайтесь полегче, я сама придумала, что такое: красивое, начинается на «сы».

— Самовар?

— Нет!

— Собака?

— Нет!

— Что же это?!

— Светок! (Цветок.)

Корней Иванович тоже был на высоте: жонглировал стульями, тарелками, куклами. «Мойдодыра» он читал на такой манер:

— Я хочу напиться молока,
К самовару подхожу,
Но пузатый от него
Убежал, как от воды.

Это привело Сашу в отчаяние, она долго убеждала Корнея Ивановича, что он читает неправильно, объясняла, как надо читать, удивлялась:

— Ведь вы же сами написали, как же вы забыли? Или, может быть, вы не Чуковский?

Сегодня я спросила:

— Понравился тебе Корней Иванович?

Она ответила кратко, но выразительно:

— Ура!

*

Учительница у Галки несомненно очень хорошая. Три мелочи:

1. Зовет девочек по именам.
2. Во время перемены не уходит в учительскую.
3. На уроках много шутит.

Как Анна Ивановна.

*

— Галя, тебя в школе сегодня спрашивали?

— Нет. Евгения Карловна обвела глазами класс, бросила взгляд и на меня, но не спросила.

28 ноября 46.

Саша живет бурной интеллектуальной жизнью, и от этого всем плохо, потому что никому нет покою.

— Мама, а как зовется маленький волк?

— Волчонок.

— А маленький медведь?

— Медвежонок.

— Значит, абажур — абажурёнок, стол — столёнок, стул — стулёнок? Мама, а ты была маленькой? А Евгения Карловна была маленькая? А дядя Морис был маленький? А нищие были маленькие? А немцы были маленькие? Разве плохие люди тоже были маленькие? А стол был маленький? А стул был маленький?..

— Мама, почитай мне! Папа, почитай мне! Тетя Нюра, почитайте мне!

*

Шура говорит Саше:

— Цыц!

— А что такое цыц? — спрашивает Саша.

— Это значит — тише!

— Это по-английски?

*

Саша:

— Мама, почему так много плохих людей на свете: баба Яга, немцы, Бармалей?

4 декабря 46.

Саша:

— Мама, люби меня больше, чем Галю. Посмотри: она сосет палец, в школе ей поставили тройку... Она грубая... Люби меня, пожалуйста, больше.

*

Мы с Сашей пришли в школу за Галей. Сидим в вестибюле, ждем. Саша оглядывается, осматривается. Находит глазами плакат и читает по слогам: «Учиться, учиться, учиться!» и спрашивает:

— Мама, что это их так уговаривают учиться?

*

Вчера были на именинах у Паши. На прощанье я сказала имениннику:

— До свидания, Паша, поцелуемся.

— Только не с тобой! — воскликнул он и тут же заключил в объятия Сашу.

Очень у него это темпераментно получилось.

Ему исполнилось пять лет. Он был потрясен количеством подарков, шумом, кричал, дрался, но всё в каком-то упоении, без злости.

*

Саша с падежами не в ладу. Она говорит: «Я тебя люблю, как я могу тебя не любить, у меня же не шесть матерь?»

Она же: «Четыре детей».

9 декабря 46.

Саша, задумчиво:

— Мама, почему так смешно получается: сначала человека нет. Потом он родится. Потом его опять нет: умирает. Правда, почему так?

*

Мама Соня возила Галю в кино смотреть «Мастера сцены». Там первые акты из «Царя Федора», «Вишневого сада», «На дне». Девочка все поняла. Особенно проникновенно и с большим сочувствием рассказывает о «Царе Федоре»:

— А под конец зазвонили колокола в церкви, и он говорит своей жене таким жалким, усталым голосом: «Иринушка, не пойду я к обедне, ведь это не такой уж большой грех, правда? А пойду я в свою опочиваленку...»

*

Галя:

— Мама, моя соседка Гольденблат Рита потеряла свою ручку и говорит: «Это ты взяла». Я ей отвечаю: «Прежде чем говорить, поищи хорошенько». Она поискала и нашла под партой и все-таки стоит на своем: «Это ты взяла, а потом бросила!» Евгения Карловна услышала и страшно на нее накричала. Она сказала: «Как ты смеешь так оскорблять человека?»

Тут Галя смеется. Я удивленно смотрю на нее. Тогда она поясняет с веселым изумлением:

— Человек! Это я — человек!

(Продолжение следует)

[1] Семен Абрамович Гуревич, московский учитель, журналист, друг Ф. А.
[2] Так называлось топленое сливочное масло.
[3] В «Телефоне» К.Чуковского «газели» рифмуется с «карусели».
[4] В этой школе, расположенной в самом центре (Старопименовский переулок), в свое время учились дети Сталина и Молотова.
В Галином классе учились дочери Жукова и Громыко,
а английский язык преподавала жена члена ЦК, маршала Булганина.

Чудесный рыцарь

Сказка

Элинор Фарджон

Когда в 1955 году была учреждена Международная премия Ханса Кристиана Андерсена, присуждаемая за лучшую детскую книгу года, первой среди детских писателей всего мира ее получила англичанка Элинор Фарджон (1881–1965) за сборник сказок и рассказов «Маленькая библиотека», составленный из лучших произведений, опубликованных ею почти за полвека. Это было признанием долгого и преданного служения детской книге, которым отмечена вся жизнь писательницы. За свою долгую жизнь Элинор Фарджон опубликовала около шестидесяти книжек для детей и взрослых. Под ее пером самые невероятные события становятся простыми и достоверными, а самые диковинные персонажи — понятными и близкими.

Жил некогда в графстве Сассекс чудесный рыцарь — другого такого не было, может статься, в целом свете. Он был из рода рыцарей, как иные бывают из рода пахарей или из рода дурней. И если о том говорят: «Он пахарь от роду», а об этом: «Он от роду дурень», то о моём герое сказали бы только: «Он прирождённый рыцарь».

Звали его сэр Джон-в-Мечтах, ибо был он великий рыцарь и всю жизнь мечтал о величайшем приключении, равным которому не было бы во всём рыцарском мире. Несколько раз на день начищал он свой щит, говоря, что не станет и думать о приключении, пока щит его не заблестит как должно. Он знал, что когда придёт

время для приключения, оно потребует от него не только крепкой руки и верного глаза, — а всей его жизни, что была светочем чести и силы духа, что был огнём, пылавшем в этом светоче.

Однажды майским утром отправился сэр Джон взглянуть на белый свет, а чтобы лучше его разглядеть, пошёл он по самому верху каменной стены. Шёл он по стене и шёл и глядел в небо на солнце, пока в глазах у него не поплыл туман. И услышал он сквозь этот туман тонкий свист — так свистят дрозды по весне. Вдруг свист оборвался, и чей-то голос сказал:

— Осторожно, сэр, как бы вам не упасть...

Тут сэр Джон споткнулся, опрокинул ведро с извёсткой, что стояло на стене, и упал бы, если б чья-то рука не схватила его за лодыжку. Сделав над собой огромное усилие, он выпрямился и увидел, что за ногу его держит паренёк, сидящий на стене. Волосы у паренька были рыжие, а глаза — голубые.

Ведро упало на землю и вспугнуло чёрного поросёнка — что мирно купался в луже — с тугим и круглым животиком и хвостиком-штопором и хорошенькую курочку сассексской породы, которая что-то клевала в пыли.

Сэр Джон выпрямился и, улыбнувшись, сказал:

— Я тебе помешал.

— Нисколько, сэр, — отвечал паренёк. — Я могу и при вас работать.

— Что это ты делаешь? — спросил сэр Джон.

— С вашего позволения, держу вас за ногу, сэр.

— А до того что ты делал?

— Чинил стену, сэр, и сейчас опять этим займусь.

— Как тебя зовут? — спросил сэр Джон.

— Дик Доветт, — отвечал паренёк.

— А чем ты вообще занимаешься?

— Чищу курятники и свинарники, сэр.

— Хорошая работа, — сказал сэр Джон.

— Надо же кому-то её делать, — отвечал Дик и снова засвистал. Да так, словно хотел всех дроздов пересвистать.

— Ты счастлив, — сказал сэр Джон.

— Как солнышко в небе, — отвечал паренёк.

— И спокойно спишь по ночам?

— Как младенец, сэр.

— И дурных снов не видишь?

— Никогда, сэр.

— Да, — произнёс сэр Джон задумчиво. — Может, мне поменяться с тобою местами?

— Со мной? — сказал Дик. — Зачем это, сэр?

— Не знаю, — сказал рыцарь. Повернулся и пошёл своей дорогой.

Вскоре он дошёл до конца стены и задумался, спрыгнуть ему с неё или нет; на лугу меж тем раздался звон колокола, сзывающего народ. Со всех сторон на звон сбежались люди, и когда собралась большая толпа, вперёд вышел городской глашатай. Правой рукой он звонил в колокол, а левой вёл заплаканную девочку лет шестнадцати в простеньком синем платьице. Она была чудо как хороша собой, высокая для своих лет, с густой каштановой косой и карими глазами, которые она то и дело утирала передником.

Глашатай подтолкнул девочку вперёд, чтобы всем было хорошо её видно, трижды ударил в колокол и закричал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Это Одри из Частокольников! Она потеряла свой мяч. Тому, кто найдёт его, она отдаст всё, что у неё есть.

— А что у неё есть? — закричали все в один голос.

— Она сама да платье, что на ней надето, — сказал глашатай.

Тут все женщины вздёрнули подбородки и разом сказали:

— Нам надо бежать домой, у нас там дела!

Повернулись и заторопились по домам.

Но мужчины остались на местах и глядели на Одри из Частокольников и думали, что она неплохая награда за мяч.

— А какой у неё мяч? — спросили они.

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Какой у тебя мяч?

Одри отёрла глаза передником и сказала:

— Мяч у меня с одной стороны синий, с другой зелёный, а на нём картинки — звезды и цветы, ангелы и детишки, прекрасные, как в жизни. Мне его подарила крёстная, когда я ещё в колыбели лежала. С ним я и росла, других игрушек у меня не было.

Мужчины спросили:

— А где она его потеряла?

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Где ты его потеряла?

И Одри ответила:

— Я играла в мяч в Частокольниках и кидала его всё выше и выше, ветер подхватил его и понёс, так что я не видала, где он упал. Может, он пролетел миль сто, а потом прокатился ещё сто.

Мужчины спросили:

— Когда она потеряла свой мяч?

Глашатай ударил в колокол и спросил:

— Когда ты потеряла свой мяч?

И Одри ответила:

— Десять лет назад, когда мне было шесть лет.

— Господи помилуй, — вскричал сэр Джон, стоявший на стене. — И с тех пор ты по нём плачешь?

— Ах, нет, сэр, — ответила Одри, присев. — Я о нём забыла и думать, а вспомнила лишь неделю назад, потому что семь ночей кряду мне снилось, что он упал в реку Муррей.

— Что это за река? — спросил сэр Джон.

— Не знаю, сэр. Но во сне мне приснилось, что это самая большая река в графстве Сассекс, и опасностей там хоть отбавляй, да к тому же там прячется фея.

Сэр Джон оглядел толпу на лугу, но никто из мужчин не сказал ни слова. И тогда сэр Джон закричал, да так громко, что его услышали все.

— Это приключение я беру на себя. Ступайте домой, добрые люди.

Когда на лугу никого не осталось, Одри из Частокольников взглянула с любовью на сэра Джона и сказала:

— Сэр, если позволите, я последую за вами к реке Муррей и буду делить все опасности.

Она сказала это так мило и без боязни, что сэр Джон наклонился, подал ей руку и произнёс:

— Идём, смелая девочка.

Она легко вспрыгнула на стену и встала рядом с ним. Сэр Джон повёл головой, словно норовистый конь, и пошёл назад по стене, не глядя ни вправо, ни влево, а на одно только ясное небушко.

Вдруг он почувствовал, как две нежные ручки ухватили его сзади за плечи, а одна сильная — за лодыжку, и, взглянув назад, а затем вперёд, он увидел, что Одри и Дик крепко держат его, чтобы он не упал со стены, и смотрят на него с тревогой и нежностью. И ведро с извёсткой снова лежит на земле.

— Что с вами, дети? — спросил Рыцарь.

— А что это с вами, сэр? — ответил Дик.

Ибо щёки у сэра Джона были мокры от слёз.

— Вам больно или вы попали в беду?

— Я здоров и весел, Дик, — отвечал Рыцарь. — Ибо сбывается моя мечта о чудесном приключении.

— Тогда отчего же вы плачете, сэр?

— Оттого что глядел на солнце.

— Что же вы там увидели, сэр?

— Я увидел опасность и себя, идущего ей навстречу.

— Опасность, сэр Джон?

— Да, Дик.

В глазах у Дика мелькнула тревога, он тихонько присвистнул и спросил:

— С вашего позволения, сэр, можно и я пойду с вами?

Глаза у Рыцаря загорелись, он положил руку на голову Дика.

— Ты тоже мечтаешь об опасности, Дик? — спросил он.

— Вовсе нет, сэр, — отвечал Дик.

— Зачем же ты хочешь идти со мной?

Дик покраснел, откашлялся и сказал:

— Чтобы ловить вас за ногу, сэр.

— И только? — удивился сэр Джон.

— Да, с вашего позволения, сэр. Стену чинить я кончил, а к вечеру мы ведь вернёмся? Так что покормить свиней и запереть кур на ночь я успею.

— Не знаю, когда мы вернёмся, — сказал сэр Джон. — Может быть, никогда.

— Как угодно, сэр, — отвечал Дик. — Смотрите не упадите!

— Прошу вас, будьте поосторожнее, милый Рыцарь, — сказала Одри у него за спиной.

— Пойдёмте, дети, — сказал сэр Джон.

И, обогнув Дика, он пошёл дальше по стене, оставив его лицом к лицу с Одри. Дик и не подозревал, что она стоит у Рыцаря за спиной, а услышав её звонкий голос и увидев её розовые щёчки, он почесал в затылке и сказал:

— Ну и дела!

Но Одри смотрела вслед Рыцарю, как смотрят счастливые матери на своего ребёнка, когда он начинает ходить.

— Он упадёт? — спросила она.

— Постараюсь, чтоб не упал, — отвечал Дик.

— Спасибо, — сказала она. — Ты такой добрый!

Дик подобрал ведро и пошёл за сэром Джоном, а Одри пошла за Диком, а кругленький чёрный поросёнок по имени Поль и курочка сассексской породы по имени Эмили за ними вдоль стены. Так они и бежали до тех пор, пока стена не кончилась и Рыцарь с Диком и Одри не спрыгнули с неё на землю.

И вот рассказ о том, что с ними приключилось, — час за часом.

Солнце медленно купалось в золоте своих лучей на синем небе с белыми облачками, наши друзья быстро шли

вперёд по дороге, а курочка и поросёнок поспешали за ними. Однако случилось так, что сэр Джон в своём нетерпении на несколько шагов обогнал своих спутников, а они беседовали друг с другом. Вскоре показалась деревенька Чилтингтон, самая красивая в Англии, — впрочем, так называют каждую вторую деревеньку на западе графства Сассекс. Несмотря на всю свою красоту, деревенька напоминала скрипку без струн, ибо в ней не было ни души.

— Странно, — сказал сэр Джон, останавливаясь. — Время, дети, подобно фонарщику, который выходит по ночам, чтобы зажечь фонари, а днём тушит их снова. Когда-то в этой глухой и слепой деревушке жизнь била ключом.

— Это было совсем недавно, сэр, — заметил Дик. — Вон там в саду ещё лежат мотыга и грабли, а там кто-то просыпал горох второпях.

— Лет сто назад, — сказал сэр Джон задумчиво, — и больше уж он не торопится.

— Земля здесь свежевскопанна, сэр, — сказал Дик.

В эту минуту где-то за домом послышался тихий плач и стон.

— У кого-то беда, — сказала Одри.

— Пойду посмотрю, — сказал Дик.

И пошёл на стон, а остальные пошли за ним. За домом он увидел древнего старика, который рубил топором салат. Салат на грядке был посажен так, что из букв складывалось имя БАРБИ.

Старик рубил и плакал.

— Хочешь срезать салат, дедушка? — спросил Дик.

— Да, мальчик.

— Весь салат, дедушка?

— Да, мальчик.

— Тебе столько не съесть, — сказал Дик, вынимая из кармана перочинный нож.

— Я так люблю салат, — сказала Одри.

— Бери себе на здоровье, красавица. Мне он больше не нужен.

— Спасибо, дедушка, — сказал Дик. — Тогда мы возьмём немного, на ужин. Салат очень хорош к ужину.

И он сунул пучок салата себе в ведро.

А Одри спросила старика:

— О чём ты плачешь?

И утёрла ему слёзы своим носовым платком.

— Из-за неё, — сказал старик и указал на имя на грядке. — Не нужен мне салат, раз её у меня больше нет.

— Какое горе, — сказала Одри и утёрла глаза носовым платком.

— Говорят, на небе хорошо, — сказал Дик и утёр глаза тыльной стороной ладони.

— Добро бы на небе, — сказал старик, — а то ведь так, где-то посерёдке.

— Как это? — спросил Дик.

— Да на ветряке, — сказал старик, — на самом верхнем крыле. А ветра всё нет да нет. Вся деревня туда сбежалась, дуют-дуют, да только, сдаётся мне, без толку.

— Мы пришли вовремя, — сказал Джон. — Дик, тут нужно потрудиться!

И он присел на бревно и принялся изо всех сил начищать свой щит.

— Что ж, идёмте, сэр, — сказал Дик.

Но Рыцарь погрузился в раздумья о предстоящем приключении и не слышал его.

Дик и Одри выбежали за околицу и увидели ветряную мельницу, вокруг неё толпился народ. Все дули что есть мочи, так что, казалось, вот-вот лопнут, но крылья не двигались. На верхушке крыла была девочка — шелковистые волосы вокруг её лица сияли, словно солнечные лучи. Одной рукой она держалась за крыло, а другой прижимала к груди рыжего котёнка с золотыми глазами.

— Ах, Дик! — вскричала Одри и сжала руки.

— Не ходи за мной, — сказал Дик и бросился к мельнице. Но она поспешила за ним. Они взбежали по лестнице, а на последней ступеньке Одри схватила его за рукав и снова сказала:

— Ах, Дик!

— Надо же кому-то это сделать, — сказал Дик. — Пугаться тут нечего, девочка.

Ибо она побелела, как полотно, что расстилают на траве под солнцем.

Дик вылез на крыло — толпа радостно закричала, а Одри следила за ним ни жива ни мертва. Но вот он уже и вернулся с девочкой и котёнком в руках! Девочка хмурилась, а котёнок мяукал. Одри протянула руки и прижала обоих к груди, а девочка заулыбалась, а котёнок начал мурлыкать.

— Ах, Барби, — сказала Одри, — как это тебя туда занесло?

— Я хотела посмотреть, — сказала Барби.

— И увидела? — спросил Дик.

— Да, — отвечала Барби. — Я видела реку Муррей.

— Туда-то мы и идём, — сказала Одри, просветлев.

— Тогда и я с вами, — сказала Барби. — И Руфус тоже.

Когда они спустились вниз, все закричали ещё громче, а какая-то женщина бросилась к ним.

— Мама, — сказала Барби, — я пойду на реку Муррей с этим большим мальчиком и девочкой.

— Иди, милая, — сказала женщина. — Только возвращайся домой к ужину.

— Я вам это обещаю, сударыня, — сказала Одри.

Сэр Джон, который как раз подошёл в этот миг с ярко начищенным щитом в руках, посмотрел с интересом на Барби и спросил:

— Так ты знаешь дорогу к реке Муррей?

— Да, — сказала Барби, — но только до Круглого дома. А потом мне пришлось возвращаться к чаю. Но сегодня я обязательно до неё дойду, чай там или не чай.

— Дик, — сказал Рыцарь, сияя. — Само небо нам помогает. Идёмте, дети.

Барби поцеловала мать на прощание, и они отправились в путь. Впереди шагал сэр Джон, за ним Дик и Одри, и Барби весело прыгала между ними, а потом поросёнок Поль, курочка Эмили и котёнок Руфус.

— Как у него щит сверкает, — сказала Барби.

— Да, — сказал Дик, — блестит, словно новенький шиллинг. Другого такого рыцаря с таким блестящим щитом во всём Сассексе не сыщешь, правда?

Он взглянул на Одри, а она взглянула ласково на Рыцаря и сказала:

— Да, не сыщешь.

Барби повела их через нагретую солнцем поляну; меж кустов можжевельника, казалось, струился золотой искристый дождь.

Они прошли через пустой загон для кроликов, пересекли дорогу и вдруг оказались в прохладном лесу, где солнечные искры лишь изредка падали с ветвей, когда их шевелил ветерок, а деревья стояли в зелёном блеске грёз. Они пошли медленнее и заговорили тише, как и должно быть в лесу. Немного погодя они вышли на залитую солнцем просеку. Яркий свет слепил глаза, так что поначалу они ничего не видели. Им только послышалось, что неподалёку кричат совята, а мать-сова отвечает: «У-ху! У-ху!». Осмотревшись, они поняли, что крик раздавался из небольшой круглой башни, что стояла на опушке. Башня была сложена из камня, а в стене были прорублены дверь и крошечное окошко, забранное решёткой. Барби остановилась.

— Куда теперь, я не знаю, — сказала она. — Это Круглый дом, а дальше я никогда не была.

— Может, совы знают, — сказала Одри. — Ведь совы мудрее многих.

И закричала:

— Совушки-совы! Скажите нам, как пройти к реке Муррей.

Но совы только насмешливо заухали в ответ.

— Зайдём и посмотрим на совяток, — сказала Барби.

Дик дёрнул дверь.

— Заперто, — сказал он. — Дверь слишком толстая, так легко не сломаешь. Придётся спросить у кого-то ещё.

Они зашагали дальше по дороге и вскоре наткнулись на сэра Джона, который прошёл, как всегда, вперёд и теперь застыл на месте, подняв руку, словно прося их прислушаться. Где-то близко слышались хриплые голоса, они протяжно кричали: «Эй, тя-нем! По-тя-нем!», прерываемые приглушённым плачем и всхлипыванием. Крики шли из-за фермы, что стояла на опушке леса; передние и задние двери её были распахнуты, так что сквозь дом проходил столп солнца и ветра. Стоя здесь на свету, можно было увидеть тёмные деревья леса с той стороны дома.

— Взгляните, дети, — сказал сэр Джон, — как короток переход через дом жизни; от света нашего появления до сумерек ухода шагов десять, не более. И конец любезнее начала. Пройдём же сквозь дом?

— Пожалуй, сэр, — сказал Дик. — Надо узнать, что у них там стряслось, не так ли?

Ибо к этому времени плач и всхлипывание заглушили все остальные звуки, и крика «Потянем!» было почти не слышно.

— Ах, поспешим! — сказала Одри.

Они поспешили — и на огороде, что лежал меж фермой и лесом, увидели немолодого фермера и его работников, что тянули верёвкой капусту.

— Тя-нем! По-тя-нем! — закричал Фермер, ухватив кочан, что был поближе.

Работники напряглись, дёрнули за верёвку — кочан выскочил, а они повалились на землю. Поднявшись на ноги, они отряхнули пыль с одежды и снова взялись за верёвку, ожидая сигнала от Фермера.

Увидев незнакомцев, идущих гуськом через дом, они остановились, отирая пот красными клетчатыми платками.

— Я помогу вам дёргать капусту, — предложил Дик.

— Что ж, помоги, молодой человек, — простонал Фермер в ответ.

— Всю надо выдернуть?

— Всю до единой.

— Ну и пир у вас будет, — сказал Дик, берясь за капусту обеими руками.

Кочанов там было штук восемьдесят, не меньше.

— Капуста — вещь вкусная, — заметила Одри.

— Возьми себе сколько хочешь, голубушка. Мне она всё одно в горло не пойдёт.

— Мы тебе очень признательны, Фермер, — сказал Дик. — Капуста очень хороша с салатом.

И он положил три крепких кочана себе в ведро. Фермер же всё вздыхал и стонал.

— А почему ты горюешь? — спросила Одри.

— Потому что не видать мне больше в этой жизни моей милой доченьки Кристи. Глаза б мои не смотрели на эту капусту, ведь это она её сажала.

— Какое горе! — проговорила Одри и отвернулась.

Дик переступил с ноги на ногу, чтобы выразить своё сочувствие, и спросил:

— Когда же это случилось, Фермер?

— Час назад, — отвечал тот. — И виноват я один. Она всё просилась на реку Муррей, а я её всё не пускал. Боялся, что она простынет там до смерти. Тянула её эта вода, да и только! Взял вот я и запер её в Круглом доме в лесу, а ключ, чтоб не потерять, привязал к ручке ведра колодца, да только забыл об этом, как пошёл за водой, а ведро, как на грех, возьми да соскочи в воду. Там оно сейчас и плавает, можете сами убедиться.

И он в сердцах откинул ногой крышку колодца: там, далеко внизу, плавало на тёмной воде перевёрнутое ведро.

Сэр Джон внимательно выслушал Фермера, и глаза у него засверкали.

— Дик, — сказал он, — вот приключение, о котором я мечтал.

— Да, сэр, — отвечал Дик. — Надо достать из колодца ключ. Ведь дверь в тот дом не сломаешь. Я уже пробовал.

Но сэр Джон не слушал — он изо всех сил начищал свой щит.

Тут Дик взялся за верёвку и подёргал её. Убедившись, что верёвка крепкая, он привязал её к пряжке своего кожаного пояса.

— Ах, Дик! — вскричала Одри и изо всех сил вцепилась ему обеими руками в плечи.

— Надо же кому-то это сделать, — сказал Дик. — Пугаться тут нечего, Одри.

Ибо она побелела, как молоко, когда, пенясь, оно бежит с одной стороны из сепаратора, в то время как жёлтые сливки текут с другой.

Он махнул работникам, они подошли и осторожно спустили его в колодец, а Одри закрыла глаза и сосчитала до ста пятидесяти. А потом она открыла глаза, наклонилась над колодцем и подала Дику руки, чтобы помочь ему вылезти наверх, хоть он и закричал:

— Отойди, глупая!

Он боялся, как бы она не упала.

Минута — и он стоял на земле рядом с ней; но ноги у неё подкосились, и она опустилась перед ним на колени, будто бы для того, чтобы отвязать верёвку от пряжки.

— А теперь выпустим девочку, — сказал он, и они поспешили к Круглому дому, где без умолку кричали совята.

— Совушка! — крикнула Одри. — Мы пришли тебя выпустить, если только ты скажешь нам, как пройти к реке Муррей.

Тут в окошке, забранном решёткой, показалось задорное личико с пушистыми волосами до плеч.

— У-ху! У-ху! — послышалось в ответ. — И не скажу, и не выйду, если не пообещаете взять меня и Майка с собой.

— Что ж, — сказал Дик и повернул ключ в двери. Кристи выбежала из дома, а за ней мохнатый терьер, худой и весёлый пёсик с любящими глазами.

Фермер схватил Кристи на руки и принялся целовать, а она ласкалась к нему, приговаривая:

— До свиданья, отец. Я ухожу. Я иду на реку Муррей с этими людьми и животными.

— Ну, хорошо, хорошо, — согласился Фермер. — Только возвращайся домой засветло.

— Это я вам обещаю, сэр, — сказала Одри.

Тут к ним подошёл сэр Джон, держа в руках свой сверкающий щит, и, поглядев серьёзно на Кристи, спросил:

— Это ты, милое дитя, можешь провести нас к реке Муррей?

— О да, — отвечала Кристи так же серьёзно, — но только до сада в лесу. Дальше я никогда не ходила.

— Дик, — сказал Рыцарь, — нам помогают волшебные силы. Пойдёмте, дети.

И он зашагал вперёд, куда показала Кристи, а Кристи и Барби побежали за ним, а Дик и Одри поспешили за ними, а поросёнок Поль, курочка Эмили, котёнок Руфус и пёсик Майк за ними следом.

— Как ты хорошо кричишь совиным голосом, — сказала Барбара Кристи.

— Да, — согласилась Кристи и посмотрела на Барби, а потом на Одри. — А какой у вашего отца щит красивый.

— Он им не отец, — ответил Дик, — но щит у него и вправду блестит, словно полная луна. Другого такого рыцаря с таким чудесным щитом во всей Англии не сыщешь, правда?

И он посмотрел на Одри, а она взглянула с грустью на Рыцаря, а потом опустила глаза и прошептала:

— Да, во всей Англии не сыщешь.

Солнце уже стало заглядывать за край тучки, когда они свернули на зелёную лесную тропинку. В конце её виднелась старинная калитка, а за ней — сад в гуще леса, прекрасный, как райский сад. Но и в раю, видно, бывают свои печали, ибо из-за деревьев слышались громкие рыдания, прерываемые взрывами шутих.

— Взгляните, дети, — сказал сэр Джон, — как обманчив даже рай земной, сулящий вечную радость. Что может быть благословеннее и прекраснее этого сада? Но горе постигло и того, кто здесь обитает. Давайте узнаем, что с ним случилось.

— Да, сэр, — сказал Дик, услышав, что громкий взрыв потряс воздух. — А то он тут натворит дел.

Они обошли клумбу с цветами и увидели в этом раю крошечного мальчика с тёмными, как вишни, глазами, из которых по загорелым щекам градом катились крупные слёзы. Он сидел посреди маленькой грядки, на которой росло всего понемногу: один ранний лук и один сладкий горошек, один люпин и один куст картошки, один вьюнок бобов и маргаритка и много ещё другого, но всё по одному кустику. А по краям грядки росла белая и красная редиска. Мальчик бросал в неё шутихи, и они с треском взрывались.

— Хочешь вырвать свою редиску, сынок? — спросил Дик.

— Да-а-а! — сквозь слёзы пробормотал мальчик в ответ.

— Всю до единой?

— Да-а-а! — сквозь слёзы пробормотал мальчик в ответ.

— У тебя от неё живот разболится, — сказал Дик, принимаясь дёргать редиску.

— А я её есть не бу-у-ду!

— Как, разве ты не любишь редиску? — спросила Одри. — Я так очень люблю.

— Вот ты и ешь! — сказал мальчик.

— Спасибо, сынок, — сказал Дик. — Мы так и сделаем. Редиска так хороша с салатом, — лежит вокруг зелени бело-красным кольцом, просто загляденье!

И с этими словами он бросил горсть редиски в своё ведро.

— А зачем ты её вырвал? — спросила ласково Одри, посадив малыша себе на колени и утирая его грязные щёки.

— Потому что это её редиска! — крикнул мальчик и указал пальцем на доску через ручей в конце сада. — А она не пускает меня в ручей без взрослых!

Тут он сунул палец в рот, взглянул на Дика, на Одри, скатился с её колен на землю и с воплем помчался в конец сада.

— Сильвия, они пришли! Теперь ты меня пустишь?

Все поспешили за ним — на доске, перекинутой через ручей в конце сада, они увидели прелестную крошечную юную фею. Впрочем, трудно было сказать, откуда она пришла: из царства ли фей, ангелов или детишек, ибо глаза у нее смеялись, как у феи, и светились добротой, как у ангела, а улыбка, игравшая в уголках рта и ямочках на щеках, была весела и задорна, как у ребёнка. Стройный её стан облегало сине-зелёное платьице, а загорелые ручки и ножки были открыты ветру и солнцу. Она стояла, сдвинув ножки и склонив голову, локти её были прижаты, а руки вытянуты вперёд, ладонями вверх. В пальцах она сжимала концы ореховой ветки и водила ею над ручьём.

— Вилф! Вилф! — вскричала она. — Ты хочешь поплескаться в ручье, а как мне тебя пустить, если я не знаю, есть в нём вода или нет?

И она уставилась на ореховую рогатинку — и вот та стала поворачиваться, пока не указала прямо на ручеёк, что протекал под перекинутой через него доской. Тут она взглянула на загорелого малыша, уцепившегося за её подол, и на остальных, стоявших на берегу, — взглянула серьёзно, но так, словно прятала от них улыбку. И сказала:

— Да, вода здесь есть, так что можешь идти, но только если и они пойдут тоже.

— Конечно, пойдём, — сказала Одри, захлопав в ладоши.

— Ура! — крикнул Дик, взмахнув ведром.

— Ах! — сказала Кристи.

— Ах! — повторила за ней Барби.

И обе запрыгали от радости.

— Только это очень-очень опасно, — сказала Сильвия. — Путь вам преградят пороги и водовороты, густые заросли, что подступают к воде с обоих берегов, так что придётся пробираться по колено в воде, а ещё затонувшие корабли, киты и аллигаторы, морские змеи, сирены и комары. Вы утонете, вас искусают, съедят, околдуют на веки веков, если только...

— Если только что? — закричали все в один голос.

— Если только вам на помощь не приду я, — сказала Сильвия, загадочно усмехнувшись.

Но они уже разулись и, связав шнурками ботинки, повесили их себе на шеи.

— Кто боится? — крикнул Дик.

— Только не я! — крикнули в ответ Одри, Барби, Кристи и Вилф.

А Поль захрюкал, а Эмили закудахтала, а Руфус замяукал, а Майк залаял.

— Тогда за мной! — воскликнула фея Сильвия задорно и спрыгнула, звонко смеясь, в ручей, который тёк по камушкам меж крутых берегов, так густо поросших ольхой и орешником, что из сада его совсем не было видно. А за ней в воду прыгнул Вилф, а за Вилфом — Барби, прижимая к груди Руфуса, а за Барби — Кристи, держа за ошейник Майка, а за Кристи — Одри, подхватив на руки Эмили, а за Одри — Дик, сунув под мышку Поля. И все они громко кричали от радости.

Солнце, словно золотой корабль, застыло среди синего неба с белыми барашками, когда, исцарапанные и мокрые по пояс, они вышли к тому месту, где ручей выбегал из-под земли. Они всё ещё громко кричали от радости.

Кристи потеряла свою ленту, Барби разодрала до крови коленку, у Вилфа на голове была шишка, коса у Одри совсем растрепалась и в волосах у шеи запутался репейник, а у Дика рубашка порвалась у самого плеча.

Одна только Сильвия вышла из воды невредимой.

Выбравшись на берег, они увидели сэра Джона, который сидел под дубом и натирал до блеска свой щит. Он прошёл лесом и лугом вдоль ручья и теперь поджидал их возвращения.

— Ну, дети, — сказал он со своей мягкой улыбкой, — никто из вас не погиб?

— Ни одна душа, сэр, — ответил Дик.

— А всё благодаря Дику, — сказала Сильвия. — Такого опытного мореплавателя я в жизни не видала. Он все опасности преодолел и всем был защитой.

— А всё благодаря Сильвии, — сказал Дик. — Она самая добрая из фей, охранявших когда-либо бедных смертных. Она нас от всех бед спасла. Хоть матушке, конечно, придётся положить заплату на мою рубашку.

— А сирены стащили мою ленту! — похвасталась Кристи.

— А драконы искусали мне ногу! — сказала с гордостью Барби.

— А великаны набили мне шишку! — пробормотал угрюмо Вилф.

— А ведьмы дёргали меня за косу! — сказала с радостью Одри.

— А Эмили снесла яичко, — сказала Сильвия. — И Дик всех спас, и яичко тоже.

— Крутое яйцо хорошо для салата, — сказал Дик. — Разрезать на четыре дольки и пустить, словно белые с золотом лодки, на зелёную гладь салата... Знать бы только, где это яичко сварить.

— Его сварит Отшельник из Хардхэма, — сказала Сильвия. — Он одними яйцами с луком питается.

— А где Отшельник живёт?

— На повороте реки, — сказала Сильвия.

— Что ж, это нам по дороге, — сказал Рыцарь. — Идёмте, дети.

И он зашагал вперёд, туда, куда показала Сильвия, а она направляла его, легонько трогая рукой, то влево, то вправо, а сама шла следом, а Вилф спешил, переваливаясь, за нею, а за ним шли гуськом Кристи и Барби, Дик и Одри, взявшись за руки, и Руфус, весь мокрый и мрачный, и Майк, мокрый и радостный, и Поль, мокрый и невозмутимый, а замыкала шествие Эмили, мокрая и вне себя от счастья.

— Какой у вашего дедушки щит прекрасный! — сказала Сильвия.

Дети, не оборачиваясь, засмеялись, а Дик ответил:

— У него нет ни детей, ни внуков, но щит у него светел, как его мечты. Ведь другого такого рыцаря с таким дивным щитом не сыщешь в целом свете, правда?

И он улыбнулся Одри. Но она только с грустью взглянула на своего Рыцаря, а потом на Дика, и покачала головой.

Наконец они вышли за Сильвией на дорогу, которая, после всех их блужданий, показалась им гладкой и просторной; и вскоре они уже были у моста, под которым текла широкая река. Сэр Джон просиял, словно на лицо его из-за тучи упал луч солнца, и с радостным криком он застыл посередь моста.

— Дитя, это наконец река? — спросил он у Сильвии.

— Да, — отвечала она, — а Отшельник живёт вон там, за высохшим руслом канала.

— Пусть подождёт, — сказал сэр Джон, — ибо сердце моё радуется на пороге приключения.

И, взяв Одри за руку, он продолжал:

— Милое дитя, я дал тебе слово и не вернусь, пока не найду реку Муррей, а в ней — твой мяч.

А Одри взглянула ему прямо в глаза и отвечала своим звонким голосом:

— Я тоже дала тебе слово. Так что возьми меня в жёны, когда захочешь.

— Я возьму тебя в жёны, как только мы найдём, кто бы нас обвенчал.

— Отшельник из Хардхэма вас обвенчает, — сказала Сильвия. — Он круглый год только о том и мечтает, да только некого было венчать.

— Жаль мне его огорчать, — сказал сэр Джон, — но только я не променяю свою реку и на тысячу отшельников.

— Вы её не потеряете, — сказала Сильвия, — если пойдёте через Хардхэм. Она там рядом протекает под Пулбороским мостом, прямо рукой подать.

— Так тому и быть, — сказал Рыцарь. — Идёмте, дети.

И они пошли быстрым шагом вперёд по высокой и узкой тропе, что пролегала вдоль высохшего русла канала, а потом поднялись по заросшему травой склону туда, где сидел Отшельник из Хардхэма.

Он сидел под каменными арками маленькой часовни, в которой не было ни крыши, ни окон, ни дверей — один только чистый воздух, льющийся с небес. Внутри этой часовни был алтарь, украшенный цветами, а вокруг, на старинной кладке, висели цветочные гирлянды и венки, которые так благоухали, словно то была комната невесты.

Отшельник сидел на камне в лучах заходящего солнца. На нём было белое одеяние и на каждой руке по кольцу; слева от него стояла миска с крошками хлеба, справа — блюдо капустных листьев, а у ног его, обутых в сандалии, — блюдце с сахарной водой. А вокруг него резвились крольчата, и он кормил их зелёными листьями правой рукой, а между ними прыгало множество птиц, и он сыпал им крошки левой, и некоторые из них садились ему на руку и на колени и клевали крошки прямо из рук.

Увидев, кто подымается к нему вверх по склону, Отшельник сказал:

— Друзья, вот идут к нам братья и сёстры.

И поднялся на ноги так тихо, что не вспугнул ни птицу, ни зверя, ни насекомого, и ступил вперёд, протянув к нашим друзьям старые руки, и, взяв Одри за руку правой рукой, сказал:

— Добро пожаловать, милая невеста.

А потом он повернулся к Дику и, протянув к нему левую руку, сказал:

— Добро пожаловать и тебе, юный жених. Вы вступаете в самое прекрасное приключение в жизни.

Одри потупилась, а Дик вскинул голову и взглянул на сэра Джона: что-то он скажет. Но при слове «приключение» сэр Джон опустился на землю и принялся начищать свой щит.

Все молчали, словно ждали чего-то, и никто, кроме сэра Джона, не знал, что делать.

И Одри в смущении прошептала:

— Ах, Дик!

А Дик почесал в голове и, взглянув ещё раз на сэра Джона, сказал:

— Что ж, это надо сделать. Не пугайся, дорогая.

Ибо щёки её побледнели, словно дикие розы перед тем, как опасть.

И Дик с Одри вошли в часовню с Отшельником из Хардхэма, а дети и животные вошли вместе с ними. Там Отшельник снял со своих рук два золотых кольца и обвенчал Одри с Диком.

Перевод Нины Демуровой

Рисунки В. Дмитрюка и С. Шведова

Вкусная еда

Ваш ребенок плохо ест, капризничает? Блюда, о которых мы теперь по просьбе читателей будем рассказывать в этой рубрике, предназначены для детского питания. За родителями остается задача выбирать из предлагаемого то, что отвечает вкусам ребенка, его возрасту. Ну и, конечно, учитывает возможности семьи... И еще: быть может, вы поделитесь и своими рецептами?

Овсяная каша с тыквой

На 2 порции: 3 столовые ложки овсяных хлопьев, треть стакана воды, треть стакана молока, 70 г тыквы, половина яблока, горсть изюма, горсть очищенных грецких орехов, имбирь, корица, 1 столовая ложка оливкового масла, 2 столовые ложки меда.

Молоко и воду вылить в кастрюлю, довести до кипения. Добавить мелко нарезанную тыкву. Варить 2 минуты. Добавить овсяные хлопья, тщательно перемешать и варить до загустения. Перемолоть блендером до однородной массы. Яблоко очистить от кожицы и мелко порезать, грецкие орехи растолочь, изюм на полчаса замочить в кипятке. Выложить в полученную однородную массу, добавить корицу и имбирь, немного оливкового масла. Всё тщательно перемешать. Выложить кашу в креманки и полить медом.

Яблочный омлет

На 1 порцию: 1 яйцо, 1 столовая ложка муки, 3 столовые ложки овсяных хлопьев, 4 столовые ложки молока, 1 яблоко, по 1 чайной ложке сливочного масла и сахарной пудры, соль.

Отделить белок от желтка. Соединить муку, овсяные хлопья, молоко, соль и перемешать. Добавить хорошо взбитый яичный белок. Яблоко очистить ножом и разрезать на четвертинки. Удалить сердцевину и нарезать четвертинки тонкими дольками.

Растопить сливочное масло в тефлоновой сковороде и выложить приготовленную массу. Положить сверху дольки яблок и на слабом огне выпекать омлет до появления снизу золотистой корочки. Осторожно перевернуть и обжарить с другой стороны. Подавать на стол, посыпав сахарной пудрой.

Вместо яблок для приготовления этого блюда можно взять ломтики банана или малину. Тогда омлет выпекают около 4 минут только с одной стороны.

Морковный суп с кориандром

На 6–8 порций: 25 г сливочного масла, 1 небольшая луковица, 500 г моркови, 1 картофелина, 1,2 л куриного или овощного бульона, 100 г сыра чеддер, 150 мл молока.

Мелко порезать лук и морковь. Растопить масло в большой кастрюле на медленном огне, вложить лук, морковь и картофель. Обжаривать на медленном огне, помешивая, в течение 10 минут. Влить бульон и довести до кипения, затем уменьшить огонь и прикрыть кастрюлю. Варить 20 минут, пока овощи не станут мягкими.

Взбить полученную смесь в блендере, добавить сыр и снова взбить. Вернуть суп в кастрюлю, влить молоко и разогреть. Подавать суп с тостами, порезанными на полоски.

Хрустящие тефтели с ветчиной

На 4 порции: 25 г сливочного масла, 1 небольшая луковица, банка консервированной кукурузы, 75 г фундука, 100 г постной ветчины, 150 г свежих хлебных крошек, 2 яйца.

Очистить и мелко порезать луковицу. Порезать фундук. Порезать ветчину. Разогреть духовку до 200 градусов. Смазать противень. Растопить сливочное масло в сковороде, обжаривать в нем лук, пока не станет мягким. Лук выложить в миску с кукурузой, фундуком, ветчиной и хлебными крошками. Перемешать. Добавить яйца и приправить солью и перцем. Сформировать из смеси небольшие шарики, выложить их на противень. Запекать 10–15 минут до бледно-золотистого цвета.

Орехи можно заменить таким же количеством вареного зеленого горошка.

Блюдо готовят и как вегетарианское, заменив ветчину очищенным и мелко порезанным сладким красным перцем; его обжаривают вместе с луком.

Картофельные зразы с грибной начинкой

0,5 кг картофеля, 1 яйцо,200 г шампиньонов, 1 луковица, мука или панировочные сухари, соль, перец, растительное масло для обжаривания.

Картофель очистить, отварить до готовности в подсоленной воде, натереть на терке. К измельченному картофелю добавить яйцо, посолить, поперчить, тщательно перемешать. Грибы порезать, обжарить с измельченным луком до готовности. Полученную грибную начинку остудить. На лепешку из картофельного теста положить полную чайную ложку начинки, слепить зразы в виде пирожков. Зразы, обваляв в муке или панировочных сухарях, поджарить на растительном масле.

Торт «Сникерс»

1 банка сгущенного молока с сахаром, 250 г сливочного масло, 4 пачки печенья в пачках, 250 г арахиса, 200 г сметаны, 2 столовые ложки сахара, 4 столовые ложки какао, мармелад для украшения.

Печенье мелко раскрошить. В размягченное сливочное масло (200 г) влить сгущенку и взбить миксером до однородной массы. Взбитую массу соединить с измельченным печеньем, тщательно перемешать. Выложить массу на блюдо в виде круга высотой 2 — 3 см. Обжарить арахис на сковороде, остудить и выложить сверху.

Приготовить глазурь. Сметану, какао и сахар тщательно перемешать и поставить на огонь, довести до кипения, непрерывно помешивая. Уменьшить огонь и варить 4 минуты, снять с огня и добавить 50 г сливочного масла.

Орехи полить глазурью, поставить в холодильник. Через полчаса украсить мармеладом.

Напиток из цитрусов с морковью

1 лимон, 2 апельсина, 0,5 кг моркови, 5 стаканов сахара, 5 чайных ложек лимонной кислоты, 9,5 л чистой воды.

Лимон, апельсины, очищенную морковь тщательно вымыть, обдать кипятком и заморозить. Натереть на мелкой терке. Натертую массу уложить в пятилитровую кастрюлю (лучше всего из нержавеющей стали), добавить 1,5 л воды, 2 стакана сахара, 2 чайные ложки лимонной кислоты. Варить 15 минут, остудить, процедить. Полученный концентрат можно разлить в стеклянную посуду и хранить неделю, разбавляя по мере необходимости и добавляя по вкусу сахар и лимонную кислоту. Затем добавить 8 л воды, 3 стакана сахара, 3 чайные ложки лимонной кислоты, перемешать. Напиток готов.

Снежные прогулки

О забавах на снегу мы рассказывали не раз. Вполне возможно, многим нашим читателям предлагаемые развлечения покажутся знакомыми. Но ведь и зима наступает каждый год! Так что напомнить о снежных играх нелишне.

Какие-то из игр можно провести возле дома, в соседнем порке, в сквере. Другие — на загородной прогулке. Нередко на такие прогулки отправляются целой компанией, несколькими семьями, — так веселее. Возраст детей в семье, да и подготовка взрослых, могут оказаться неодинаковыми. Поэтому лучше составлять смешанные команды, примерно равные по силам.

Семейный биатлон

В этой игре метание снежков сочетается с бегом на лыжах. Соревнование может быть как внутрисемейным, так и между семейными командами из трех–пяти человек.

Мишень — дерево. В десяти шагах от него обозначают рубежи для метания. Здесь складывают кучками снежки (по пять снежков на каждого участника игры). К дереву прокладывают две лыжни длиной 30–50 метров, в конце которых выстраиваются игроки обеих команд. Дан сигнал к началу игры. Первые номера команд одновременно бегут к складу снежков, бросают в дерево-мишень свои пять снежков и возвращаются обратно. После этого в игру вступают вторые номера команд, затем — третьи... Задача игроков каждой команды — добежать до отметки, метнуть в дерево все 5 снежков и вернуться обратно.

Результат эстафеты зависит, однако, не только от того, как быстро ты бежишь по лыжне, но и от твоей меткости. Промах, как и в настоящем биатлоне, наказывается «штрафным кругом». Промахнувшийся обегает лыжную палку, воткнутую в снег в нескольких метрах от места метания. Только после этого он может выполнить следующий прицельный бросок.

Какая команда первой закончит бег по лыжне с метанием снежков, та и победит.

Если семейная команда одна, одна лыжня и прокладывается. Правила те же, но отмечается и сравнивается время, затраченное на бег и метание каждым из участников соревнования.

Можно условиться пробегать дистанцию без лыжных палок — в этом случае легче и снежки бросать, и выполнять штрафные круги.

Быстро по местам!

На полянке или опушке леса прокладывают круговую лыжню; на такой лыжне хорошо отрабатывать технику скольжения.

Играющие двигаются по лыжне на расстоянии трех метров один от другого. Кто-то из взрослых берет на себя роль ведущего. Он на лыжах (без палок) располагается в середине круга. Подъезжая к кому-то из играющих, командует «За мной!», — тот втыкает свои лыжные палки в снег и следует за ведущим.

Так ведущий постепенно собирает всех играющих и отводит их в сторону от круга, где остались лыжные палки. Неожиданно он подает команду «Быстро по местам!». Играющие вместе с водящим стремятся поскорее вернуться в круг и занять место у любой пары палок. Тот, кто остался без палок, становится водящим.

На горку и с горки

Команды с одинаковым числом участников выстраиваются у подножия снежной горки. По сигналу все стараются как можно быстрее взобраться на эту горку. Отстающему разрешается помогать: протягивать ему палку, поднимать, если он упадет. Это важно: команда выигрывает лишь в том случае, если она раньше других окажется на горке в полном составе.

После этого можно провести состязание по спуску с горки. Отмечают линию финиша. Сначала спускаются по очереди участники одной команды, затем другой. Каждый следующий может начать движение только после того, как спускавшийся до него пересечет линию финиша.

Выигрывает команда, затратившая на спуск меньше времени.

Можно устроить не только командные, но и личные соревнования на быстроту подъема и спуска с горы.

Дальше, быстрее, точнее

Сначала соревнуются взрослые, потом дети. Если юные лыжники подготовлены хорошо, они могут участвовать в соревнованиях наряду со взрослыми.

— На ровной площадке все выстраиваются в шеренгу и втыкают в снег палки. По сигналу каждый делает пять шагов и скользит до полной остановки. Тот, кто преодолеет большее расстояние, побеждает.

— Все встают в шеренгу, держа палки в руках. По сигналу каждый должен повернуться кругом переступанием (на снегу остается рисунок веера) и, оттолкнувшись палками, выехать немного вперед. Кто сделает это первым, тот выигрывает. Последний считается проигравшим.

— Игроки скользят на одной лыже, отталкиваясь палками. Другая нога — без лыжи, и ею нельзя ступить ни на правую лыжу, ни на снег. Расстояние до контрольной линии — 30–50 метров. Кто финиширует первым?

— Игроки скользят на двух лыжах, отталкиваясь и не делая шагов. Расстояние то же.

— Соревнуются несколько пар. Первый в паре, спускаясь с пологой горки, кладет палки справа и слева от лыжни. Его напарник, спускаясь вслед за ним, старается палки поднять. Затем упражнение выполняет вторая пара. Какая пара выполнит упражнение точнее, та и победит.

Барьеры и лабиринты

Из снега можно лепить не только снеговиков. Возможно, вам пригодится идея соорудить снежную полосу препятствий. Облюбуйте ровную полянку и приступайте.

Сначала — барьеры из снега. На некотором расстоянии одна от другой лепят небольшие «стенки», через которые надо будет перепрыгивать. Бег со снежными барьерами потребует от ребенка ловкости. Ведь если хотя бы немного зацепить снежный барьер, он попросту развалится. Прыгать можно с разбега или с места. А папа пусть покажет, как здорово он перепрыгивает барьеры на одной ноге.

Еще можно соорудить лабиринты. Сначала на снегу вычерчивают лыжной палкой контур лабиринта с входом, выходом и несколькими тупиками. Затем по этому контуру возводят стены-бортики высотой около 20 сантиметров. Ребенку будет занятно побегать по такому лабиринту. Пусть он сопровождает свои движения словами: «Поворачиваю налево, иду прямо, поворачиваю направо...».

А если за дело возьмется несколько семей, можно построить настоящий лабиринт со стенками в рост ребенка.

Некоторые упоминания о неопознанных летающих объектах могут на самом деле касаться шаровых молний, — считает австралийский астрофизик Стэфан Хагс. Ученый детально изучил произошедшее в небе над Брисбеном — крупным городом на восточном побережье Австралии. 16 мая 2006 года над городом появились три ярких метеора. Одновременно с этим было видно, как через близлежащие горы перекатывался некий ярко-зеленый объект. Хагс выдвинул гипотезу, согласно которой зеленый объект, который некоторых из местных жителей назвали НЛО, может быть шаровой молнией. По словам ученого, это явление лишь одно из многих, которые могут показаться людям НЛО: «Если помножить необъяснимое атмосферное явление, которое может иметь электромагнитную природу, на человеческую психологию и желание человека увидеть что-нибудь конкретное, то этим можно объяснить многие упоминания о НЛО». Согласно предположениям Хагса, явление в небе над Брисбеном и над горами могло произойти после того, как между атмосферой и землей сформировался достаточный электромагнитный потенциал. Естественный поток, который существует между ионосферой и землей, усилился, когда в атмосферу Земли вошел метеорит. Во время прохождения через ионосферу метеорит мог образовать недолговечную связь между атмосферой и землей, что могло высвободить достаточно энергии для образования какой-либо разновидности плазмы в виде шара.

Тело великого датского астронома XVI века Тихо Браге было эксгумировано в Тынском храме в Праге с целью определения причины его смерти. Датские и чешские исследователи намереваются дать ответ на вопрос о том, не была ли смерть великого астронома насильственной. Тихо вошел в историю астрономии как составитель первого звездного атласа, а также благодаря многочисленным наблюдениям за звездами и планетами, которые заложили основы практической астрономии. Но этот ученый и придворный славился еще и довольно необузданным нравом. Он много дрался на дуэлях и даже лишился части носа во время студенческого поединка, после чего всю оставшуюся жизнь носил на лице металлический протез.

Предположения о том, что Тихо Браге стал жертвой предумышленного убийства, высказывались неоднократно. В прошлом подозрение падало на его помощника Иоганна Кеплера, который сам стал позднее знаменитым астрономом. А недавно появилась версия, согласно которой Браге был убит по приказу короля Дании Христиана IV после того, как ученого заподозрили в романтической связи с матерью монарха. Исследователи и археологи, которые открыли могилу Браге, надеются заново проанализировать образцы одежды покойного, а также сохранившиеся волосы и мумифицированные ткани. Они также намерены определить, из какого металла был сделан тот носовой протез, который Браге носил всю жизнь, — принято считать, что он был сделан из золота и серебра, но есть сведения, что он был просто медным.

Священные животные у египтян, они стали друзьями королев, глав государств и писателей. Кошка была любимицей Лилит, женщины, которая, согласно мифологии еврейской Каббалы, была подругой Адама еще до Евы. Кошек любили египтяне и греки — за их таинственность, к ним хорошо относились этруски и римляне — за то, что они охотились на мышей. В Средние века кошки впали в немилость. Дело дошло до утверждений, что ведьмы якобы перевоплощались в кошек. Однако позднее кошки вновь спокойно расселились в городах и деревнях, в домах бедных людей, на виллах и в королевских замках.

Кошки — главные герои книги, в которой рассказывается о секретах и историях любимцев знаменитых людей. Журналистка и писательница Лили Гарроне и анималистка и одна из основательниц римской Ассоциации по защите животных Моника Сирина

написали книгу «101 история о Кошках, которые тебе никогда не рассказывали». Это собрание историй о домашних любимцах знаменитых людей и о приключениях кошек простых

смертных. Книга начинается с упоминания о кошке Дине из «Алисы в стране чудес», далее следует повествование о питомцах известных людей, например знаменитой кошатницы Анны Маньяни, и рассказы о кошках, попавших в сводки новостей. Так, Вайно, 12-летний кот из Финляндии, в 2009 году потерялся в Лапландии, но сумел за 130 дней преодолеть 800 км, чтобы вернуться в Хельсинки к хозяевам.

«Сообщается, что в 20.50 огромный пылающий объект, предположительно метеорит, приземлился на ферме в Гровер-Милл, штат Нью-Джерси, в 22 милях от Трентона. Вспышка в небе была заметна с расстояния в несколько сотен миль...» Такими словами начиналась в 1938 году радиопостановка по роману Герберта Уэллса «Война миров». Она вызвала самую настоящую панику: люди восприняли передачу как сводку последних известий. На Землю вторглись марсиане! Однако Фрэнк Дрейк, которому было тогда восемь лет, при известии о прибытии инопланетян почувствовал не страх, а жгучий интерес. «Отец рассказал мне, что в космосе полно других планет помимо нашей. Это привело меня в восторг. Значит, где-то есть планета, подобная той, на которой живу я, и там такие же люди живут в таких же домах и едят такую же еду!» — вспоминает профессор Дрейк, ныне всемирно известный астроном.

Дрейк закончил курс радиоастрономии в Корнелльском университете и Гарварде, а в 1960 году осуществил свой первый проект по поиску внеземных цивилизаций, носивший название SETI. Для обнаружения сигналов от обитателей других планет он установил в Грин-Бэнке (штат Западная Виржиния) радиотелескоп, направленный на две соседние звезды.

С 1960 года был осуществлен целый ряд проектов SETI, и радиотелескопы были установлены по всему миру, в том числе в Пуэрто-Рико, Аргентине, Австралии, Южной Корее и Италии. «Сейчас мы прослушиваем не один канал, как делал я в 60-х годах, а десятки миллионов каналов одновременно. Поиск сигналов осуществляется с помощью компьютеров, обрабатывающих огромные потоки информации, поступающие с радиотелескопов, — говорит ученый. Несмотря на то, что признаков внеземного разума пока обнаружить не удалось, Дрейк не теряет оптимизма: «Это лишь вопрос времени, а сколько его потребуется, зависит от финансов. Мы знаем, как вести исследование, и в конце концов добьемся успеха».

На вопрос о том, может ли это случиться при его жизни, Дрейк ответил: «Мне 80 лет. А по самым оптимистичным подсчетам, даже имея мощнейшее оборудование, мы можем ничего не найти в ближайшие десятилетия. С другой стороны, у нас есть все шансы поймать сигнал завтра».

Составители Оксфордского словаря английского языка разрешили в пользу Новой Зеландии ее давний спор

с Австралией по поводу происхождения торта-безе «Павлова». Это десертное блюдо из меренги с фруктами и сливками было названо в честь знаменитой русской балерины Анны Павловой, гастролировавшей по двум странам в 1926 году. В новом интернет-издании словаря говорится, что впервые рецепт был зарегистрирован в Новой Зеландии в 1927 году. Он напечатан в книге под названием «Лакомые блюда Дэвиса», опубликованной компанией по производству изделий из желатина. Вначале десерт состоял из разноцветного желе. Новозеландцы утверждают, что безе-версия «Павловой» также родилась в их стране, появившись в публикациях 1928 и 1929 годов. Экспертом по этому блюду называет себя сотрудница новозеландского университета Отаго доктор Хелен Лич: «Я нашла как минимум 21 рецепт в новозеландских кулинарных книгах, изданных до 1940 года. Только тогда появился ее первый австралийский рецепт.

Австралийцы утверждают, что первым изготовил «Павлову» в 1935 году шеф-повар из города Перт. Представляя новый десерт, шеф-повар якобы воскликнул: «Такой же воздушный, как Павлова». «С лингвистической точки не так уж важно, где родина “Павловой”, и мы сохраняем по таким вопросам нейтралитет, — сказала одна из составителей Оксфордского словаря Фиона Макферсон. — Мы просто собираем свидетельства о происхождении и смысле слов... Но это, наверное, имеет значение, если вы австралиец или новозеландец... Приятно думать, что ваш соотечественник что-то создал или внес какую-то лепту в историю». Признавая авторство первого рецепта «Павловой» за новозеландцами, Оксфордский словарь все же осторожно определил происхождение десерта как: «*Австрал. или НЗ*». Первое упоминание об изготовлении «Павловой» в России относится к 1935 году.

Игорь Грабарь

1871, 25 марта. В Будапеште в семье юриста Эммануила Ивановича Грабаря родился сын Игорь. Семья была русской, родители и дед были участниками славянского освободительного движения. Их преследовали, мать едва не приговорили к смертной казни за «государственную измену». Мальчику приходилось жить у чужих людей.

1876. Родители приняли решение о переезде в Россию. Живут в Егорьевске Рязанской губернии.

1880. Игорь поступает в егорьевскую прогимназию, где преподает отец.

1882–1889. Учится в московском лицее. Увлечение рисованием приводит его в Общество любителей художеств. Здесь среди других преподает Василий Поленов, который выделялся широтой знаний и культурой.

1889. Поступает в Петербургский университет на юридический факультет, одновременно учится на историко-филологическом отделении. Его жажда знаний неуемна. Продолжает много рисовать, его иллюстрации печатают в журналах «Нива», «Стрекоза», «Шут». Увлекается живописью, его первые пейзажи хвалят. На этюдах он испытывает восторг от окружающей природы, решает стать пейзажистом. Побеждает сознание, что без хорошей школы он не сможет состояться.

1894–1898. Учится в Академии художеств в мастерской Ильи Репина, которого бесконечно ценит. Но его не покидает чувство неудовлетворенности, ощущение своей ограниченности, провинциализма.

1895. Предпринимает путешествие в Германию, Францию, Италию. Смотрит в музеях шедевры живописи. В Париже, в лавке Воллара, видит произведения Гогена, Ван Гога и Сезанна. Ошеломлен теми возможностями, которые открываются перед живописью.

1896. Снова в Европе, на этот раз в Мюнхене. Поступает в школу Антона Ашбе, художника, который был близок к импрессионистам и помогал ученикам понять особенности их техники. Грабарь настолько преуспел в учебе, что решается открыть свою студию; у него своя метода: знание искусства Высокого Возрождения, владение разными техниками масляной живописи и классического рисунка сочеталось с экспериментами в области живописи, способами самовыражения. Студия просуществовала два года. Наряду с педагогическим открыл в себе талант художественного критика. Начал сотрудничать в журнале «Мир искусства». По заказу Сергея Дягилева делал обзоры зарубежных выставок.

1901. Стосковавшись, возвращается в Россию. Одно из самых больших желаний — оказаться в деревне, в поле, в лесу и писать с утра до вечера. Принимает приглашение Якунчиковых пожить у них на даче под Нарофоминском. Создает этюды «Луч солнца», «Уголок усадьбы», «Балюстрада», которые вызвали взрыв восторга у мирискусстников. Это была поэзия русской осени, переданная новым языком, и так свежо, с такой искренностью...

1902. Открывает красоту деревянного зодчества русского Севера. Ездит по заповедным местам; в глухих деревнях встречает создания русских мастеров, перед которыми ему хотелось встать на колени. Он зарисовывает их в альбомах, пишет этюды акварелью, маслом.

1904. Работает над зимними этюдами в окрестностях Дугино под Москвой. Для того чтобы создать знаменитую «Февральскую лазурь», вырывает под березкой в снегу траншею, забирается в нее и пишет, забыв о морозе. «Когда я взглянул на верхушку березы снизу, я обомлел от открывшегося передо мной зрелища фантастической красоты: какие-то перезвоны и перекликания всех цветов радуги, объединенных голубой эмалью неба».

В деревне недалеко от Дугино пишет «Мартовский снег» **(репродукция)**. «Тема весеннего мартовского снега, осевшего, изборожденного лошадиными и людскими следами, изъеденного солнцем» показалась необычной. Писал «с таким увлечением и азартом, что швырял краски на холст, как в исступлении, не слишком раздумывая и взвешивая, стараясь только передать ослепительное впечатление этой жизнерадостной мажорной фанфары». Краски как будто напитались звучащей радостью. Грабарь пишет как импрессионист, передавая впечатление от целого, не прорабатывая детали.

Деятельно сотрудничает и дружит с кругом художников «Мира искусства».

1910–1915. Пишет монографии о Серове, Левитане. Начинает колоссальную работу по изданию многотомной «Истории русского искусства». Его избирают действительным членом Академии художеств и назначают попечителем, а затем и директором Третьяковской галереи. Задуманная им перевеска картин вызвала бурную дискуссию в обществе. Многие художники и критики считали, что нужно сохранить всё, как было при Павле Михайловиче. Грабарь настаивал на систематизации и принципе историзма. Его поддержал Суриков, утверждая, что новая экспозиция выполнена «с большой затратой энергии, труда и высокого вкуса». Благодаря Грабарю галерея стала покупать картины молодых художников.

1917–1918. Как и все художники, озабочен спасением памятников культуры. Становится членом Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, возглавляет Центральные реставрационные мастерские. Именно в эти годы велись работы по раскрытию русской иконописи, велось обследование стен Спасо-Андроникова монастыря, кремлевских соборов, начались восстановительные работы в Троице-Сергиевой лавре.

По инициативе Грабаря организуются экспедиции на Северную Двину, побережье Белого моря, в верховья Волги для изучения памятников зодчества и иконописи, многие из которых в наше время исчезли. Их фотографируют, делают промеры.

Мы не знаем, насколько искренен был Грабарь в изъявлении своей лояльности к власти. Возможно, он считал это необходимым для пользы дела, которому отдавал всего себя. В конце 20-х годов он имел возможность остаться за рубежом, но не пошел на это.

1930-е. Пишет автомонографию, монографию о Репине, преподает в университете, возвращается к живописи. Его пейзажи по-прежнему поэтичны. Все чаще он обращается к портрету. Это хорошие работы, но не шедевры.

1940. Снова возглавляет Государственные реставрационные мастерские, становится директором Научно-исследовательского института истории искусств.

1956. На страницах «Литературной газеты» публикуется его статья об открывшейся выставке французского искусства. Он с ликованием пишет о любимых импрессионистах.

1960, 15 мая. Грабарь умирает.

Его называли подвижником, ренессансным человеком. Вклад его в историю русской культуры огромен. Сам он говорил, что все «совершалось потому, что без этого я не мог существовать, не мог дышать ни один день моей жизни».

Л. Осипова

2011

ЯНВАРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
					1/8	2/9
3	4	5	6	7		
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

ФЕВРАЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28						

МАРТ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

АПРЕЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	

МАЙ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
						1/8
2	3	4	5	6	7	
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31					

ИЮНЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
		1	2	3	4	5
6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19
20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30			

ИЮЛЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

АВГУСТ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

СЕНТЯБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30		

ОКТЯБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
3	4	5	6	7	1/8	2/9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

НОЯБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30				

ДЕКАБРЬ

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	